

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

МАЙ
1
ВОСКРЕСЕНЬЕ
1938 год
№ 24 (731)
Цена 30 коп.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 110 1 мая 1938 года. г. Москва.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!
Поздравляю вас с нашим всенародным праздником 1-е мая — днем пролетарской солидарности и боевого смелого революционного пролетариата.
В этот день народы Советского Союза с гордостью подводят итоги своих новых великих побед во всех областях социалистического строительства.
Наша страна, руководимая партией Ленина — Сталина, превращаясь в одну из самых передовых, индустриальных и цветущих стран мира, растет, крепнет и процветает. Многочисленная армия свободных тружеников социалистических заводов, фабрик и колхозов, институты, лаборатории и тысячи культурных учреждений с каждым днем имеют успехи, раскрывают новые и еще более величественные перспективы нашего могущества. Растет материальное благосостояние и культурный прогресс трудящихся масс.
Партия Ленина — Сталина уже вырастила, воспитала и неустанно продолжает растить и совершенствовать новых советских людей, способных на безпримерный героизм и самоотверженные подвиги в интересах своей Великой Родины, в интересах социализма.

Советский Союз — прообраз братского объединения народов мира. Ленино-Сталинская национальная политика это — гранитный фундамент будущего победного сотрудничества всех народов. Непоколебимым подтверждением этому являются многочисленные народности и племена Советского Союза, объединенные едиными целями и задачами, составляющие спаянную братскую семью в едином государстве трудящихся.
Только в Советском Союзе созданы действительные условия для всестороннего развития миллионов масс трудящихся, для непрерывного совершенствования человеческой личности и всеобщего прогресса.
Успехи социализма в нашей стране могут набатом отдаются в сердцах и мыслях пролетариев и трудящихся всего мира, организуя в них волю к борьбе за свое освобождение от капиталистического рабства. И сегодня, как всегда, их волею обращены сюда, на страну Сталинской Конституции, подлинной народной демократии и действительно свободного труда; сюда, где навсегда уничтожены национальная рознь, эксплуатация человека человеком, нищета и безработица, где подлинным хозяином является весь трудящийся народ.
В день праздника международной солидарности и дружбы трудящихся всего света, в день, когда СССР для всего обездоленного человечества будет гореть особо яркой звездой на мрачном горизонте старого смрадного капиталистического мира, — темные силы капитализма обрушат новые скорпионы на головы своего пролетариата, попытаются выместить на трудящихся свое бессилие и бешеную злобу против страны Советов.
Человечество с увеличивающейся быстротой катится к бездонной пропасти мировой, кровавой бойни. На Западе и Востоке организованная фашистами война приняла уже столь огромные размеры и вылилась в такие «современные» формы, что мировая буржуазия с ее фашистским авангардом может только радоваться удачной «репетиции» подготовляемой ею грядущей мировой войны. Однако, поджигатели дол-

жны помнить, что пока мировой войны хорошо спит не только хищник-журналист и уничтожает миллионы рабочих и крестьян, но тот же огонь войны прекрасно истребляет царей и королей с их монархиями, помещиков и буржуазия с их властью и капиталами.
В этой усердно организуемой капиталистами и фашизмом новой мировой войне стрит, как горела в свое время российская, вся мировая буржуазия.
Народные массы героической Испании и великого Китая, в неравной борьбе, самоотверженно борются с империалистическими насилием за свою национальную независимость, за право на жизнь. Истекшая кровь, они являют всему миру чудеса героизма масс, высокого подвига миллионов, величайшей выдержки и действенной воли к победе над врагом. Симпатии Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как и всего советского народа, безраздельно принадлежат героическим борцам Испании и Китая.

Советский народ, вместе со своим Правительством, отстаивал и неустанно будет и впредь отстаивать интересы мира во всем мире.
Мы не можем, однако, не учитывать, что мир в наше время превратился в вооруженный лагерь, что в двух частях света пылает пожары войны, а наши многочисленные враги, пытаясь всячески подорвать нашу созидательную работу изнутри, готовятся к открытой войне с нами. «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох» (Сталин).
Застережки мировой войны хорошо знают силу и мощь Советского Союза и крепость его Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Они знают также и то, что безжалостное уничтожение подлейших изменников и предателей нашей Родины, троцкистско-бухаринской нечисти и меньшевистско-эсеровских отбросов сделало Рабоче-Крестьянскую Красную Армию еще более грозной для всех наших врагов. Но то, что происходит сейчас в Европе и Азии, заставляет нас быть особо бдительными и зоркими. С удивительной энергией, коржа каждым часом, мы должны настойчиво работать над дальнейшим совершенствованием боеиспособности Рабоче-Крестьянской Красной Армии, над ее дальнейшим политическим и техническим ростом.
Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и политработники! Великий советский народ возложил на нас ответственнейшую задачу защиты нашей великой Родины. Будьте всегда достойны этой ответственности и почетной задачи. Будьте в любую минуту готовы к победоносному сокрушению врага, если он осмелится напасть на наши советские границы.
Да здравствует наша славная, победоносная Рабоче-Крестьянская Красная Армия!
Да здравствуют трудящиеся нашей Родины!
Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков!
Да здравствует наш великий СТАЛИН!

Народный Комиссар Обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ.

Друзьям мира и культуры

Мастера слова, работники культуры, просвещения и искусства, друзья народа!

Писатели Советской страны приветствуют вас в день международной пролетарской солидарности. В этот день они душой с вами, защитниками прав, свободы трудящегося человечества, борцами против фашистского угнетения, против капиталистического варварства, против ужасов новой войны, чьи смрадные тучи уже застилают горизонт мира, отравляют дыхание, умерщвляют все живое.

Уже четвертая часть населения земного шара втянута фашистскими поджигателями в войну. Кровавый зверь фашизма кидается на мирные народы, терзает их живое тело. Испания, Китай, Австрия стали жертвами безжалостной хищности новых варваров и завоевателей.

Фашизм — непримиримый враг культуры, он стремится уничтожить прежде всего самое ценное, самое основное, что есть в цивилизации: живого, мыслящего, трудящегося человека.

Как спасти культуру, демократию, свободу, прогресс от кровавых мракобесов, от нового средневековья, от ужасов надругательства над человеческой личностью?

Мы знаем, как это сделать, друзья-писатели. Мы, литераторы Советской страны, сопроводили наш великий народ в его историческом боевом походе против капитализма, против реакции. Мы вместе с ним прошли победный путь к социалистическому строю, к зажиточной свободной жизни, к развернутой советской демократии, к Сталинской Конституции.

Мы говорим вам: рабочий класс и объединенные с ним в широком народном фронте трудящиеся массы, вооруженные своим единством, своей непреклонностью, — вот лучшая гарантия против фашистских поработителей, вот лучшая защита культуры, свободы и мира.

Все, кому дорога культура в самых ценных, в самых тонких ее проявлениях, — идите к народу. Смыкайтесь с ним, боритесь вместе с ним против реакции, против угнетения.

Все, кому дорога свобода, — идите к народу, становитесь в ряды его борцов, вместе с ним, складывая и умножая свои силы, вы убережете, защитите свободу!

Все, кому дорог мир, — идите к народу, вместе с ним, в коллективном солидарном сплочении народов и государств воздвигните непреодолимую плотину против стихии новой войны.

В день Первого мая мы, советские писатели, будем вместе с нашим советским народом в праздничных уличных демонстрациях шагать в рядах рабочих и колхозников, празднующих победы и завоевания Советской страны, руководимой великим Сталиным, лучшим другом людей, другом культуры, борцом за счастье человечества.

Мы будем думать о вас, дорогие друзья, защитники свободы, борцы с темными силами фашизма. Пусть международный пролетарский праздник Первого мая еще больше скрепит наши братские связи!

В. ВИШНЕВСКИЙ, О. ВОЙТИНСКАЯ, Ф. ГЛАДНОВ, В. ИВАНОВ, В. КАТЕВ, М. КОЛЬЦОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Л. ЛЕОНОВ, В. ЛУГОВСКОЙ, Л. НИКУЛИН, А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, Ф. ПАНФЕРОВ, П. ПАРГОВИЧ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. СЕРАФИМОВИЧ, Л. СОБОЛЕВ, В. СТАВСКИЙ, Н. ТИХОНОВ, А. ТОЛСТОЙ, А. ФАДЕЕВ, В. ФИНН, М. ШОЛХОВ.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Песня о знамени

Над родною стороною
Бури бушевали...
Партизанки молодые
Знамя вышивали.
Вышивали на привале
Странною порою,
Чтобы шли под это знамя
Смелые герои.

Вышито знамя
Острой иглой:
— «Храбрые — с нами,
Трусом — долой!»
Красным полымем летало
Боевое знамя,
Расправляться помогало
С лютыми врагами.
Много раз оно бывало
Пулями пробито,
Много раз оно бывало
Славою покрыто.

Привет.

Отшумели, оттремели
Огневые годы,
Но народ не забывает
Славные походы.
И растут у нас герои —
Люди молодые,
И не меркнут на знаменах
Буквы золотые.

Привет.

Не закроет наше солнышко
Вражеская туча, —
Наша родина — богата,
Армия — могуча.
Быстры наши самолеты,
Крепки наши танки, —
И не дрогнет ваше знамя,
Сестры-партизанки!

Привет.

Из бухты Тикси, от 28. IV . 38 г.

КРЕМЛЬ ТТ. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, ЕЖОВУ, МИКОЯНУ Р а п о р т

Ваше задание снять людей на дрейфующих ледоколах: «Садко», «Седов», «Малыгин» — выполнено самолетами Н-172 Алексева, Н-170 Головина, Н-171 Орлова. Вывезено в Тикси 184 человека, оставлено на ледоколах 33, снабженных продовольствием, одеждой, горючим на срок более 2-х лет.
Гордимся выполнением порученного Вами задания.

Командиры кораблей: АЛЕКСЕЕВ, ГОЛОВИН, ОРЛОВ.
Штурманы: ЖУКОВ, ПЕТРОВ, БОГЕР.
Старшие бортмеханики: СУТРОБОВ, ЧЕЧИН, ФРУТЕЦКИЙ.
Парторг ЕРЕМИН.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

№ 52 1 мая 1938 г.

Товарищи краснофлотцы, красноармейцы, командиры и политработники Рабоче-Крестьянского Красного Флота!
Поздравляю вас с всенародным праздником 1 мая, праздником победившего социализма и международной пролетарской солидарности.
Первое мая для трудящихся великого Советского Союза является днем смелых побед и достижений, днем мобилизации сил советского народа на борьбу за дальнейшие победы коммунизма. Счастливый советский народ сегодня демонстрирует на улицах наших городов и колхозов свою силу, мощь и негибаемую волю к победе. Закрепив свои завоевания в великой партии трудящихся, наш народ, на основе Сталинской Конституции, с величайшим единодушием избрал первый в мире, никогда не виданный социалистический парламент. Великий народ страны победившего социализма показал еще раз перед трудящимися всего мира свою монолитность и морально-политическое единство, выраженное в несокрушимом блоке коммунистов и беспартийных.
Народы советского государства готовятся к новым выборам, выдвигают в Верховные Советы союзных и автономных республик лучших людей, патриотов нашей Родины, до конца преданных делу Ленина — Сталина.
Разгромив балду троцкистско-бухаринских и иных шпионов, диверсантов, фашистских наймитов, пытавшихся отнять у трудящихся нашей страны счастливую жизнь и распорядиться по частям нашу Родину, советский народ еще теснее сплотился вокруг партии Ленина — Сталина и сегодня, как никогда, един и монолитен в своем стремлении победоносно строить коммунизм.

В день 1 мая многомиллионный народ нашей страны — родины трудящихся всего мира, еще раз протягивает руку помощи и братской солидарности героическому испанскому народу и всем загнивающим Испанскому республике от нашествия интервентов — германско-итальянских фашистских полчищ. В этот день наш флот братской любви и солидарности услышит китайские трудящиеся, героически отражающие нападения японских захватчиков.
Мы призываем рабочих и крестьян всех стран крепить единый фронт трудящихся и всего прогрессивного человечества против фашистских агрессоров, готовящих новую мировую кровавую бойню, готовящих нападения на Союз Советских Социалистических Республик, страну, где претворены в жизнь мечты угнетенных.
В день 1 мая Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) бросает боевой клич:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Становитесь под интернациональное знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

В звериной ненависти к стране Советов, фашисты пытались неоднократно проучивать нашу бдительность и крепость наших границ, но каждый раз они получали сокрушительный отпор. Могучая, никем не победимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Рабоче-Крестьянский Красный Флот, памятуя всегда мудрые слова Великого Сталина о капиталистическом окружении, были и находятся в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения и под руководством ленинской партии укрепляют и совершенствуют свою боевую мощь.
Волею советского народа рабоче-крестьянское Правительство поручило нам, товарищи краснофлотцы, командиры и политработники, построить могучий морской и океанский флот, достойный нашей великой страны.

В день 1 мая поклоняемся перед нашей родной, перед лицом трудящихся эту почетную и трудную задачу выполнять, как подобает большевикам. Могучий морской и океанский Красный Флот будет создан в кратчайший срок. Пусть это знают и пусть радуются наши друзья. Пусть это слышат, запомнят и учтут наши враги. Советская земля и советские волеи священы и неприкосновенны.
Товарищи молодые краснофлотцы Военно-Морского Флота!

Сегодня перед лицом великого советского народа, перед трудящимися всего мира вы клятву красную присягу на верность Советской власти, на верность социалистической родине. Поздравляю вас с принятием торжественного обещания и выражаю твердую уверенность в том, что вы будете достойными сынами нашей Родины, будете крепить боевую подготовку и воинскую дисциплину, честно и добросовестно выполнять свой гражданский долг.

Да здравствует и крепнет могучая родина!
Да здравствует великий советский народ!
Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) — передовая отряд трудящихся СССР!
Да здравствует Коммунистический Интернационал — штаб мировой революции!
Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Рабоче-Крестьянский Красный Морской Флот!

Да здравствует наш любимый, мудрый вождь, великий Сталин!

Народный Комиссар Военно-Морского Флота СССР
Армейский комиссар 1 ранга
П. СМЕРНОВ.

Людвиг РЕНН

Родится новый мир

Родится новый мир прекрасный,
И, как ни горестна война,
Прекрасны павших имена,
И жертва не была напрасной.
О мучках рабства мир забудет —
О голоде, о днях тоски,
Увидят радость старики
И голодать никто не будет.
И рук свободных миллионы

Смерть великое тогга
Во славу мира и труда,
Во славу жизни обновленной,
Родится новый мир прекрасный,
И, как ни горестна война,
Прекрасны павших имена,
И жертва не была напрасной.
Перевод с немецкого и обработка
АЛЕКСАНДРА ГАТОВА.

Алексей Толстой

Поход четырнадцати держав

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

(Деревня. Иба, ворота. На крыльце стоит председатель сельсовета...)

А. Н. Толстой заканчивает новую пьесу о походе четырнадцати держав на молодую Советскую республику в 1918 г.

цям Ленин и Сталин. Их образы, овеянные славой и героизмом, будут проходить через все пьесы...

МАРТЫН. Это — что же, конец, мужики? СТЕПАН. Здорово наследуют. Ай, ай, ай... Надо их ждать — вот-вот... МАРТЫН. Аминь советской власти!.. Ох, мать честная! ВАСИЛИСА. Мартын, много не разговаривай... СТЕПАН. Теперь ша выжили, кума Василиса... Мы-то про тебя не скажем, а кое кто найдет...

ВАСИЛИСА. Тебя я не спрашивал. Мартын... Предупреждение получи, теперь могу обхитить тебя вне закона... МАРТЫН. Ох! СТЕПАН. Это, брат, не матерком путнись... Вне закона! Законного-то... МУЖИКИ. Сделаем, Василиса, все, как нужно. ВАСИЛИСА. Летучий митинг считая закрытым. Идите, мужики. Скотину надо унать заасветло. С оружием уходите сейчас...

ДЕВОЧКА. Дяденька Мартын, лучше тут постой, базило, а я лучше посмотрю... (Взвывает на крышу сараю.) МАРТЫН. Конечно... Двор кому нибудь беречь в таких делах — надо... У ней там печатать документы по всей избе раскиданы... (Выстрелы. Крики.) ДЕВОЧКА (На крыше). Пымали, право слово, одного пымали... Ой, ой, ой... Дяденька Мартын, страсти! Деруться, как молотобойцы, право слово... Шанки летят, брыз один, брыз другой... Ой, ой, ой, один закатил по улице... (Выстрел.) Человека убили... МАРТЫН. Намега? ДЕВОЧКА. Ихнего... ДЕВОЧКА. Другого пымали... Право слово... Ведут... (Выстрелы) (Зволованные голоса. Входит Лаврентий, Сапа, Чувилев, Василиса, Степан, — они ведут двух человек, — казака и кавалериста.)

МАРТЫН. Ой! Это кто же так? СТЕПАН. Генерал Кутепов — мне... Скотину, говорит, не будем так бить, как будем бить мужика... Аж трясется... МАРТЫН. Василиса, да ты слушай, что Степан говорит... Какая теперь советская власть? Кончана твоя власть... ВАСИЛИСА. Мартын, не говори много... МАРТЫН. Чего — Мартын? Я ведь не робкал! Мартын! Жена ты мне? Должна слушать и все... (Шипящий полет снаряда. Пауза. Разрыв.) СТЕПАН. Бери мужа, Василиса, уходите... МАРТЫН. В лесок, в болото, светлой дождю... Девочка нам гула молока, хлеба может принести...

ВАСИЛИСА. Ну, ладно... Больше никому слова не даю. Нет, мужики... Другое такое время не будет. Всякая власть, отдавая ее лекому, в бою я не пойдю. Власть моей не отдаю, зато рви мне горло зубами... МАРТЫН. И не спросят тебя, перервут горло... ВАСИЛИСА. Мартын, не говори много, третий раз предупреждаю... Мужики, вы меня избили, вы меня слушайте... Спорить будем позже... МУЖИКИ. Это правильно. Командир луген.

ВАСИЛИСА. Не вливай. Бери винтовку. СТЕПАН. Можно и винтовку, конечно... ЛАВРЕНТИЙ. Четверо зашли по вадам... СТЕПАН (беря винтовку). Ну, Кутепов, — в дугу, в веру, в мать... Идем, ребята! ВАСИЛИСА (девочке). Ты тут посиди тихонько. Я сама с ними схожу. ЛАВРЕНТИЙ. Полком, товарищи... Не обнаруживайте себя... САПА. Товарищи, берите их живыми... Нам языков нужно. ЛАВРЕНТИЙ. Пошли — цепью... (Все уходит торжесливо, прибавляясь.) МАРТЫН (возвращаясь с винтовкой). Сейчас я, сейчас... Заела, прокладая... Это разве винтовка, это игрушка. Что я сделаю с тобой руками?

ВАСИЛИСА. Кто еще войдет в Малиновку — то ли белое, а то и красное... Войдут белое — не отдавать им ни куренка, ни корня клыба. Идите по дворам, говорите, чтобы привали домашнюю птицу, у кого овцы, поросята — прятать... И прятать не в риге, или в баньке, — это глупость, несите в лес, в болота, где ветка часовня, туда прятать... МУЖИКИ. Разумно... СТЕПАН. Выбери командира. Идемте ребята... ВАСИЛИСА. Подожди... Еще, мужики, говорю вам персонально: Шелров, Десяткин, Кочкин, Герасимов... Вросте, что вы старые мужики... В октябре брали власть — были вы не стары... Ты, Степан, первый повел в Орел шено, горох и сальда шмакот...

ВАСИЛИСА. Ну, ладно... Больше никому слова не даю. Нет, мужики... Другое такое время не будет. Всякая власть, отдавая ее лекому, в бою я не пойдю. Власть моей не отдаю, зато рви мне горло зубами... МАРТЫН. И не спросят тебя, перервут горло... ВАСИЛИСА. Мартын, не говори много, третий раз предупреждаю... Мужики, вы меня избили, вы меня слушайте... Спорить будем позже... МУЖИКИ. Это правильно. Командир луген.

Ю. ЯНОВСКИЙ ЧАПАЙ

Он стоял на тротуаре перед домом. Вместо правой ноги у него висела пуста, не подвешенная штанина... Чапай! — крикнул кто-то из толпы бойцов... Чапай, — сказала рядом особа трех четвертей от роду... Чапай смотрел в голубое небо, не замечая никого вокруг себя... Теперь ты бегать не можешь, — констатировала та же маленькая особа, проявляя жестокость, свойственную ее возрасту. Все молчали.

Вдруг загрохотала водосточная труба, по ней спустился с балкона рыжий мальчишка... Чапай! — крикнул кто-то из толпы бойцов... Чапай, — сказала рядом особа трех четвертей от роду... Чапай смотрел в голубое небо, не замечая никого вокруг себя... Теперь ты бегать не можешь, — констатировала та же маленькая особа, проявляя жестокость, свойственную ее возрасту. Все молчали.

ПЕРВЫЕ МАРКИИ Первое Мая

Избранный горных круч — весенний ветер мчится, Над Красной площадью стремя привольный берг. В предчувствии зари, покинув свой ночлег, Слетаются к зубам кремлевских башен птицы, И над могучими пролетами стелы, Отмеченной седым величием старинки И пламенем рассвета озаренной, Глашатаи весны восторженно кружат И слышат времена торжественный набат, Провозглашающий грядущего закона.

Там снова дипломат, грабитель и банкир Кладбищенской стеной обогот мир И, лицеприимными законами хранимый, Торгуют мироточием под злом мечей И аплодируют бездумно палачей Берлина, Токпо и Гима. Но май есть май! И рвутся к небу зелены Из тучных недр земли сажеными шагами И снова ветерки качают зыбку дня, И снова облака несутся косяками, И называются обиходом поля. Привет, могучая родимая земля! Привет, великая страна расцвета! Ты — мира верный страж и радости оплот. Ты жаждешь одного: чтоб распыла планеты, Чтоб человечество, лагуа, ша вперед.

ЯНКА КУПАЛА ДРУЖБА НАРОДОВ

Давным-давно, еще в детстве, я услышал чудесный рассказ о счастье, скрытом от народа... Раз в год, — говорили поверье, — в ночь под Ивану-Купала, земля на несколько мгновений раскрывает свои тайны. И тому, кто ровно в полночь найдет преток папоротника, откроются все земные дары, несметные клады и богатства, — этот человек найдет счастье.

прошлое переищет человека обыкновенный повед, отходящий из Минска в Польшу? Даже фашистская печать не в состоянии скрыть нищету и разорения польской деревни. В одном польском сборнике, вышедшем не так давно в Варшаве, помещено письмо крестьянина из Виленщины, рисующее «деревенские картины» фашистской Польши: «Телега на деревянных осях, примитивный упряжь, доходя до пола... вот весь прогресс сельскохозяйственной культуры. Словом, я сказал бы, что отстали мы на сто лет назад...»

да кормой. Но никто из вендражских крестьян не мог написать и прочесть своего имени. Сейчас, высчитали статистику, вендражские колхозники выплесывают 200 экземпляров газет! В Вендраже полная средняя школа, клуб, библиотека. Но ведь деревня Вендраж — лишь одна из иллюстраций культурного расцвета советской Белоруссии. Такой иллюстрацией может быть каждая деревня, каждый колхоз. Есть, например, в Белоруссии деревня Задубье. За советские годы из задубьевских крестьян выросло 24 учителя, 5 инженеров, 2 врача, 2 командира РККА, 1 летчик, 1 танкист, 2 директора совхозов. А еще 32 молодых колхозника из деревни Задубье улетели сейчас в белорусских вузах.

Цветет, колосится мой край! Я вижу тебя, моя республика, охраняющая могущество моей родины. Я вижу твои густые леса, твои поливные озера и реки, твои дуга и поля. Я слышу гул заводов и гул тракторов и комбайнов. А давно ли понуро шли мы за сохой. Высевавши жито пополам с тоской. На ободы была лебедя с мяжиной. А потом — могла под сухой осой. Я не знаю, как была устроена фашистская «машина времени», придуманная Гербертом Уэллсом. Эта машина переносила и в прошлое. Но разве не в это

Моя Белоруссия — одна из одиннадцати, равная среди равных! Недавно в Минске выпущена небольшая книжка. Называется она «Советская Белоруссия». В ней — привалено множество фактов, ярко раскрывающих величайшие перемены, произошедшие в когда-то забалабанной стране.

В последние время белорусская литература создала ряд произведений, показывающих прошлое белорусского народа. Характерно, что многие из этих произведений были выпущены лишь после разоблачения полных наемников фашизма — троцкистов и бухаринцев, буржуазных националистов. Это они скрывали и искажали героическое прошлое белорусского народа, который на протяжении всей своей истории, с древнейших времен, защищал свою кровную связь с русским народом и боролся против иноземных захватчиков — польских панов и немцевких грабителей-рыцарей. Подлые, трижды проклятые враги белорусского народа предательски ориентировали развитие белорусской культуры, литературы и искусства на фашистскую Польшу. Не удалось им осуществить свои изменческие планы. Советская разведка, весь белорусский народ, великая партия Ленина — Сталина, разоблачили предателей и шпионов. Никому не отдалить нас от Союза Советских Республик, никому не разорвать нашу кровную связь с великим русским народом.

В последнее время белорусская литература создала ряд произведений, показывающих прошлое белорусского народа. Характерно, что многие из этих произведений были выпущены лишь после разоблачения полных наемников фашизма — троцкистов и бухаринцев, буржуазных националистов. Это они скрывали и искажали героическое прошлое белорусского народа, который на протяжении всей своей истории, с древнейших времен, защищал свою кровную связь с русским народом и боролся против иноземных захватчиков — польских панов и немцевких грабителей-рыцарей. Подлые, трижды проклятые враги белорусского народа предательски ориентировали развитие белорусской культуры, литературы и искусства на фашистскую Польшу. Не удалось им осуществить свои изменческие планы. Советская разведка, весь белорусский народ, великая партия Ленина — Сталина, разоблачили предателей и шпионов. Никому не отдалить нас от Союза Советских Республик, никому не разорвать нашу кровную связь с великим русским народом.

Это имя — Сталин! Сейчас, в эти весенние дни, белорусский народ, осуществляя нерушимые права, данные ему Сталинской Конституцией, избирает свой народный советский парламент. Я читаю ежедневно в газетах резолюции фабрик, колхозов, пограничных застав. Я вникаю в речи рабочих, колхозников, бойцов. Растворяю и ликованием исполнено каждое слово, печатающееся обычным петитом на газетной полосе. Когда народ хочет выразить свои величайшие чувства, он обращается к поэзии, он складывает сказания и песни. Поэты изложили в стихах писмо к товарищу Сталину миллионов рабочих и колхозников. Это писмо — одно из значительнейших произведений советской поэзии. Поэтов не могли не вдохновить высокие чувства, которые владеют сейчас белорусским народом. Мы решили к выборам в Верховный Совет БССР издать сборник стихов, посвященный Конституции Белорусской Республики. В книгу войдут новые стихи поэтов о Сталине, о величайших правах, данных Сталинской Конституцией гражданам БССР. Эпиграфом к книге будут слова Маяковского: «Читайте, зачитайте, я — гражданин Советского Союза». Великая сталинская дружба спаяла 11 равных республик. Любовь и преданность к родине, к большевистской партии, к родному Сталину спаяли воедино 170 миллионов граждан Советского Союза. В июньскую ночь, поворило старинное поверье, можно увидеть шествие папоротника, можно найти счастье. Белорусский народ свое счастье нашел. Великий Сталин указал нам на заветный папоротник. Высоко поднял боевые знамена. Свою благодарность, любовь и почет, Как дар человеческий, как песню, Приносит тебе белорусский народ, Минист.

За дальнейший расцвет культуры народов СССР, за новые успехи и завоевания советской науки, техники и искусства!

Линкольн-шестисеми (Из казахстанских записей)

Овцы носили автомобильное имя — Линкольны. Перед местными казахскими овцами они и впрямь выглядели, как Линкольны перед галками.

Линкольны были грациозны, но дугливы. В прохладной полутьме сараев, оберегавшего от полдневного жара степного солнца их капризные организмы, они облизывали в утлу трещащую грудой живой шерсти. Золотые стрелы, пробившиеся сквозь щели стев, всхлипывали во влажных зёрнах их выпуклых глаз, тревожили и выматывали. Мысли и желания волокла тойкой шерсти струилась, как холёные борозды муда, — волнисто и длинно. Попугавы палыбы в это драгоценное руно и перебирала ими скользящую его текучесть, я узнал историю этих выходящих из трактора Линкольнов, покинувших Восточную Англию для Восточного Казахстана.

Старейшим этого тонкорунного рода прибыла на станцию Жаңгис-Түбе зимой 1929 года. Их было восемь — два производителя и шесть маток. Равнодушный кладовщик принял их, как бычки с цементом, сметом, и, похвывая, погнав в грязный и холодный склад. В тот день их завели накормить, в остальные — кормили как прилетев.

На пятый день старший из родоначальников захкашлял, как человек. Он не ложился на стальной бетонный пол и качался стоя, далеко вытанув вперед узкую голову с большими печальными глазами. Таким его и увидела женщина в тулупе, вошедшая в склад утром шестого дня.

Женщина была крупной пирогокостной сибирячкой с тронутым озоном добрым лицом. Годос ее был низок и речь нетороплива. Медленным своим басом она обурчала всех по очереди: начальника станции, кладовщика и даже телеграфиста.

— Что же, — дерево начал кладовщик, — что же мне их в постель к себе было везать? — бараны?

— Бараны! — возразила она с тяжелой броней. — Это линкольны! А производители — вы. Наплли, где держат баран, — и тот бы такого не придумал.

Женщина была женой зоотехника, которого по всей округе звали просто Иван Карпычем, как и ее знали больше под именем Миколаивна. Цену линкольнов Миколаивна знала: два года пасем Иван Карпыча в центр, два года воссалаенной мечты о метисах — обогороженных линкольнах потомков местных овец, о мотучем стаде чистокровных линкольнов, нарастающих на сочных травах казахской степи, вытануть шерсть не хуже, чем на английских лугах. Когда верховой привез ей райцентре телеграмму, Иван Карпыч был в отъезде. Миколаивна живо собралась сама и на станционном складе, грязном и холодном, убедилась, что пришла вовремя.

День был солнечный и морозный, степь лежала бедном океаном в волнах дульных сугробов. Двое парных саней, усталых оловом и кошками, повезли отапливших «сангличан» еще дальше на восток, к китайской границе. На передних ехал Доспар, старый чабан-казах, с четырьмя овцами, сзади — Миколаивна с остальными, для верности забрав обоих производителей к себе. Доспар, несмотря на мороз, пел песни в две тысячи строк каждая.

Ехать было далеко, за три сотни километров; ночевали в аулах и в зимовках. Наконец, рваным пасмурным утром спустились на лед Зайсанга: озеро сильно сохрало путь, но к вечеру надо было успеть добраться до пастбища на том берегу.

Озеро, как и степь, лежало тем же белым океаном в волнах сугробов. Скоро низкие берега исчезли на сером горизонте. Проехали уже больше полути, когда подался резкий ветер. Снег, как брызги волн, срываясь с сугробов и захлестывая саней сухим и жестким нетающим порывом. Доспар оборвал песню о красавицах Айман и Шолпан, Миколаивна заболела, уступала драгоценных родоначальников будущего мотучего стада.

Ветер переходил в буран. Лошади поехали шагом, трудно фыркая, хвосты их и гривы развевались по ветру, как флажки почти горизонтально. Доспар оставив овечьих лошадей и пошел к Миколаивне помогать.

Он кричал ей тем же высоким и резким голосом, каким пел свои песни, но слышно его было плохо. Она поняла, наконец, что он предлагает составить всех лошадей рядом, погнав к голове, накрыть их кошками, а самим забраться под них, как в бурт, и отсиживать.

— Буран, а? — кричал он, качая головой и указывая на низкое небо, прилаживаясь к ветру.

— А бараны? — кричала она, укаывая на кошки.

Ветер свистел между их головами, уносил слова.

С трудом они договорились. Было решено, что Доспар оставит здесь овец, мукку и весь груз своих саней и, пока еще буран не разгулялся, порожком попытается пробыть к берегу, чтобы привести помощь. Отсиживаться вместе было опасно: буран мог занести обе половины, и самим из-под снега можно было и не выбраться. И тогда никто даже не узнал бы, где они погибли, потому что к вене лед, растаяв, отнес их бы струи и сани на дно.

Шагав за ветра, они выпрыгивали лошадей из саней Миколаивны, призывали их к задравным вверх оголобам и укрывали головы одной из кошек. Вдвоем перетаскивали тяжелых овец из саней Доспара, уложив их рядом с лежащими, телами на ноги друг друга, чтобы не биться, и укрывали остальными кошками. Потом Миколаивна забралась под кошки, а Доспар, качая голову, ударил по лошадям и помчал по ветру к берегу.

Среди овец было тепло. Ветер забирался сюда только острыми стружками. Под кошками слышались учащенное дыхание овец. Время от времени то одна, то другая выдрагивала и пыталась биться связанными ногами, прижатый телом соседки. Тогда та, заблывая, тоже дергалась ногами, толкая следующую, и волна этой судороги проходила по всем овцам до крайней. Таблясь тоже, и так как ее ноги были свободнее, то кошкой начинала сползать с этой груды тел, ветер выдувал нагретый воздух, и Миколаивна вылезала из-под кошки. Белая колыча пальцы уже наползала свистящий воздух. Ветер падал на женщину, как стена, отталкивая от саней, она ползком подтыкала кошки, призывала их вожжами к саям. Для этой рукамники приходилось снимать, пальцы белели и коцели, она отгирала их снегом, морщась от резкой боли, и опять забиралась под кошку — до новой судороги, периодически потрясавшей это огромное восьминогое тело.

Время измерялось теперь только этими мучительными вылазами в ледяной свист бурана.

На дватой — или на сорковой? — положение изменилось трагически. Крайняя овца опять забилась, на этот раз ей удалось почти приподняться, и ветер вырвал лежащую на ней кошку. Кошка надулась, как парус, и ветер, подывая ее, легко унес в белесую, уже вечеряющую мглу.

Плача и надеждавшаяся, Миколаивна с трудом сдвинула линкольнов телами друг на друга, укрыв их опять кошками, на этот раз перекинув через них вожжи, как через вью с сеном.

Но все-таки на крайнюю овцу кошки не хватало. Она лежала теперь недвижно, моргая глазами, окруженная льдинами. Тогда, решившись, Миколаивна сняла с себя тулуп, закутала им овцу с глыбой и, дрожа от холода, полезла в самую середину овец. Здесь она протиснулась, мотуче, если женщина опит, сползут, она уже не сможет выйти их поправить, и ветер унесет их одну за другой.

Но прижать телеса, овцы не могли больше биться. Теперь они только вздрагивали в попытках двинуться, и кошки оставались на месте.

Овцы грели женщину тяжелыми своими телами, но морозные струйки все же пробивались меж кошек и наползали ее холмом. Потом, однако, ей показало, что она перестала чувствовать леденящие их уколы. В тоске она подумала, что замерзает. Она бездумно запыкала, прижавшись лицом к тонкому и вежному драгоценному руно заморских овец, будущих родоначальников мотучего стада.

Но под кошмой стало теплее, все теплее. Тогда она поняла, что их начало заносит снегом. Она прижалась телеса к овцам и стала терпеливо ждать Доспара...

Она надел ее утром следующего дня. Солнце озарило озеро, снег бесстыдно изрылся в буйной радости погожего зимнего дня, как будто и не было вчера убийственного его перемещения в своем свистящем воздухе. Два черные тучка оловель указывали место, где надо копать. Люди бросились к ним.

Ове лошади были найдены застывшими. Они лежали, деревянные раставив ноги. Миколаивна и все восемь телесов были живы. Она пролежала в больнице месяц, и когда вернулась в колхоз, ее встретили почтительным прозвищем «Линкольн-шестисеми», что значит мать Линкольнов.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

НИКОЛАЙ ПОГОДИН КОНЦЕРТ

Актеры ехали давать концерт. Они успели привыкнуть к автомобильным путешествиям по неизвестному им Примурскому пограничному краю и поэтому не очень любопытствовали, куда их повезут на этот раз. Все они были переполнены впечатлениями небывалой своей деятельности на Дальнем Востоке. Сначала каждый втайне приберегал несколько необычных историй, чтобы рассказать их в кругу московских друзей, но необычайные истории множались, и людям становилось трудно отличить, где было «самое интересное».

Почти все они побывали на заставах у пограничников. Там приходилось разыгрывать сцены и читать монологи в том особенном ощущении границы, когда новому человеку чудится, что вот-вот начнется тревога и что-нибудь случится на этой странной пограничной линии, которая называется государственной границей.

Они разыгрывали спектакли Шекспира и Горького на таких сценах, которые никак не готовились для подобных представлений. Весь состав спектакля стоял «за кулисами» между декорациями и стенами театра оттого, что куда больше было податься. Актеры с великой радостью выбежали на сцену, чтобы хоть немного походить — по ходу действия — и отдохнуть. Им очень не хотелось уходить со сцены и снова стоять между стеной и декорацией, но их ждали истомленные товарищи, — подо и честь звать и не поить пивсу.

И за новизны их вознаграждала аудитория. У актеров есть что-то вроде привычки, что «зрительный зал несет спектакль». Подымает и несет, как талантливый дирижер может поднять и пошептать оркестр. Тогда бывают вдохновенные спектакли. Появляется творчество. Его нельзя заранее предвидеть или договориться о нем. Вдруг зареваются, скупидные профессионалы становятся талантливыми. Старый, заграничный спектакль звучит праздником первых представлений.

Уезжая в полночь из какого-нибудь гарнизонного клуба воинской части ОКДВА, актеры неизменно повторяли:

— Мы сегодня играли премьеру.

Автомобили с актерами попали в зону, которую лучше всего будет назвать неизвестной. В таких местах военные люди занимают своими военными делами. Можно представить себе, что там происходит удивительные вещи, но совать нос туда не следует. Впрочем, туда без законного, а следовательно делового повода вас все равно не пустят.

Актеры пропустили.

Значит, их работа имела серьезное значение. Их пропуски были законные, правильные, какие даются людям по деловой необходимости. Это вызвало приятные ощущения. В самом деле: граница, закрытая и туманная, а потом разупущенная и веселая, вас пропускает вперед. Вы здесь нужные, интересные люди.

— Артисты...

При этом слове лица бойцов просияли. По привычке к тощим авиам, бойцы и командиры неизменно называют актеров:

— Товарищи артисты.

Надо, конечно, побывать там, где-нибудь в крайней близости с Манчжоу-Го, ибо это понятия существование разные, чтобы понять, как удивительно благотворно действуют на «штатского» человека простота, вежливость и радужные легендарные дальневосточников. Вам найдется лучшее место для отдыха, для вас повар заварит отборный кусок мяса, хотя вам этого повара не придется даже увидеть, вам расскажут самые замечательные истории, познакомат с самыми лучшими людьми... А тут, к слову, лучшие люди — это последние лучшие из лучших, без преувеличений. Тут завоевать первенство во всех отношениях — великое дело, хотя бы лишь по-

тому, что этих «всех отношений» очень много и каждое из них само по себе дает честь и доблесть.

Покоряя же действует на «штатского» человека, что эти не станут себя рысить его, менее всего интригуются собой или афишируют свои дела, и больше занимаются им, «штатским». Проходит час-другой его пребывания в их среде, и он чувствует такую естественность, что перестает думать о своем «штатском существовании».

И, возвращаясь с концертов, актеры не раз говорили:

— Здесь чувствуешь себя, как в родной семье.

Неизвестная зона, закрытая для посторонних взоров, не оправдала ожиданий. Те же дороги, какие бывают везде, те же сопки с речным кустарником могучих коританых краев, все молчит, и «странно!» — почему запрещены эти сопки и пади, какую ценность они представляют?

Актеры повели на первый край.

Они не знали, что это такое, и понимали, что особенно узнавать не стоит. Да и что за граница, первый ли это край или какой-то другой? Вид местности не менялся, и ничего более или менее любопытного не встречалось на пути.

Остановились, вышли из машины и вдруг почувствовали, что здесь где-то очень близко проходит граница. Может быть, им так показались или все же они не ошиблись — установить было трудно. Единственно, что поставило их в тупик, было очень странное обстоятельство — в местности, куда они попали, не было жилья. Они переглядывались. Где же устраивать концерт? Дорога тоже кончилась.

Их пригласили пройти в сторону от дороги, и через несколько минут они очутились в небольшом помещении, теплом, светлом и чистом.

Это было потрясающее по силе исполнение концерта. Никто из них никогда в жизни не испытывал такого глобального волнения, какое охватило всех на этом представлении.

У них было только восемь зрителей. Зрители эти расположились против задней стены, где стояли винтовки, и так образовали театр. Артисты играли рядом со зрителями. Декорации служили оружием. Исполнителей было двенадцать человек, зрителей — восемь.

Концерт длился два с половиной часа.

Актеры понимали, для кого они играют. Эти восемь бойцов живут на какой-то крайней точке охраны нашего государства. Теперь не было сомнения, что за окнами лежала окрестка с ее особенной боевой реальностью. Актеры давали концерт там, где каждую минуту могли раздаться выстрелы.

Восьмью пар глаз они видели перед собой. Была удивительная тишина. Куда-то пропали на время профессиональные привычки, как держатся, какой взять тон... Мастерство подчинилось контролю восьми пар глаз, более убедительных, живых и неотрывных, чем волнение, смех и овации громадных аудиторий. Тут нужна была чистая правда. Если бы актеры попросили сейчас же повторить такой же концерт, они бы не сумели этого сделать.

Концерт прошел блестяще. Каждый знал о себе, что на этот раз он отдал все, что мог, и, больше того, играл так, как никогда не представлял себя, что можно играть. На этот раз не спектакль, а концерт, и не артистический зал, а только восемь человек повесили и подыали артистов до чудесных высот прекрасного.

Так, примерно, описал мне этот славный дебют своих актеров руководитель Центрального театра Красной Армии А. Д. Дм. Попов.

Как всегда, с большой искренностью бойцы поблагодарили гостей и проводили их до дороги. Надо было уезжать из неизвестной зоны.

НАШЕ СЧАСТЬЕ — НАШИ ПЕСНИ ОРДЕНОНОСЕЦ АШУГ АВАК

На самой окраине села Чардаклы, Шамхорского района, стояла некогда обветшавшая, покосившаяся хибина.

Что такое жизнь бедняка, я впервые почувствовал в тот год, когда ветхий домишко рухнул, придавив на смерть моих родителей.

В большом чужом, непонятном для меня мире я остался один пятилетний мальчишкой.

Может быть поэтому мои первые, детские стихи, сложенные еще в те давние годы, звучали ненавистью к богачам, у которых я вечно батрачил, возделывая чужие виноградники и сторожа чужих овец. Но, работая, я всегда пел. Наверное, это были несладкие песни, но о первой из них я, старый ашуг, сложивший за 48 лет творчества более пятисот песен, до сих пор вспоминаю с нежностью и гордостью.

Это было сказание о бедняке, который должен трудиться всю жизнь, и о богаче, брехо которого обростает жиром за счет бедняков.

Сложил музыку к этой песне, я исполнил ее в нашей деревне Чардаклы. Я принес на суд родному селению свое первое киноское произведение.

Местные богачи, услышав мою песню, постановили изгнать меня из деревни и запретили показываться на родине семь лет.

Изгнанным с моим единственным сокровищем — баламанчой в руках, я ископал много деревень...

Велика сила народного искусства! Мои революционные песни, в которых я призывал на борьбу за счастье бедняков, пели повсюду крестьяне Азербайджана.

Радостно встретил я Октябрьскую революцию стихотворением «Привет большевикам! Добро пожаловать!».

Теперь Авак уже не бродячий певец. Я выступаю в Баку, пою на соревнованиях ашугов, участвую в торжественных концертах, посещаю все уголки Азербайджана.

Когда я узнал, что я выделен для участия в азербайджанской декаде — написал песню, она называется «Отцу».

Встречи (Из цикла «Новеллы, родившиеся сами»)

Встреча в вагоне

«Ну, теперь уж скоро во Владивостоке будем. Надоело ехать. Студентка? Нет, я не студентка, я судовой радистка работы. Теперь возвращаюсь из отпуски. Три месяца отгуляла, у матери ждала, потом в Москву ездила, все, какие есть музей и театры, пересмотрела. Замечательно интересно. Особенно мне музей исторической порывался. Почему отпуски такой длинный? Да так получилось. Рассказать? Конечно, могу рассказать, если вам любопытно, тут в вагоне только рассказы и заниматься можно. Хотите, как поучилось. И судовой радистой на пароходе «Терек» работала. (Зовут меня Валерия, но вы меня Валей зовите, я так больше люблю). Ну, вот, застиг нас «Терек» таифун, потреляло нас порядком и закинуло чорт-те куда, на Формозу. Повредило рули, надо ремонтировать, а японцы заарестовали пароход. Вся команда на борту под строгим арестом. На утро являюсь жандармом, арестовывают меня и увозят на берег. Жутко? Да, неприятно было, но что тут сделаешь? Привезли в какую-то тюрьму, заперли в темном подвале, там крысы так и шныряли. Буд сию же в этом подвале сутки, сию другие, какой-то тни мне пишу приносил, а гнилой рис и немного воды. Сию же, холодно по спине бежит, очень я крик борюсь, это у меня с детства. Сию же между прочим думаю: почему это они меня одну из всего экипажа, на берег свезли? И вот начинаю подгадывать. Я — одна девушка в экипаже, они рассчитывают, наверно, что скорее от девушки добьются каких-нибудь ложных показаний, слабее, как сказать, создание, ну, словом, слабый пол. Ах, дураки! Скрыть ничего, мне страшно было, но я тут же решила, что все вынесу, а слова ложного не скажу. Да и вообще разговаривать с ними не буду. Давайлась я правильно. На третью ночь повели меня на допрос. Следователь маленький, в дымчатых очках, гримасничает так, что я никак не могла от улыбки удержаться, я вообще смешилась, а тут прямо ко мне какой-то естрелный! Но вообще-то не до смеху было. Ну, он сначала чешет-чешет вежливый, складный, как на то, по-русски говорит правильно, только место Р произносит Ж. Бился он со мной часа полтора, под конец уже без всякой вежливости кулаками угрожал. Потом позвонил жандарму и велел отвести обратно в подвал. На следующую ночь опять то же. Я ему говорю: только время напрасно трагит, ничего вы от меня не добьетесь.

На четвертые сутки на рассвете повели они меня в лес куда-то. Вокруг тропические растения, от запаха цветов голова кружится. Тут же и этот, в дымчатых очках, десять жандармов выстроились против меня с винтовками. А этот, дымчатый, говорит:

— Вот вам приходится умереть из-за упрямства. А жизнь прекрасна. Цветут цветы. Солнце встает. День будет жаркий. А вас не будет. Понимаете меня?

Говорю: «Понимаю».

Он стал еще ласковее:

— Что мы вас просим, скажите нам и подпишите и свободной будете. Далеко, далеко уедете. Ведь вы — молодая девушка. Я собрала все силы и спокойно сказала ему:

— Да, но тут есть маленькое «но»...

— Какое «но»?

— Я действительно молодая девушка, но я советская молодая девушка.

Он на меня воззрился через эти свои дымчатые очки, прямо сверлит глазами. Потом говорит:

— Значит — не будете говорить?

— Выходит, что так.

А сама я мысленно попросилась уже всеми силами к товарищам по команде. Он еще помолчал, потом толкнул ногой, плюнул и приказал вести обратно. И привели меня обратно на пароход, товарищи очень обрадовались, а еще через несколько часов снялась мы с якоря, пришлось им «Терек» отпустить. Вот и вся история. Я люблю только, что я не писательница, я выразить не могу, как следует, всего. Вот понимаю, как думаю, — поучается, а как говорить или писать научу, — все выйдет. Вы знаете, думаю, что жизнь потому прекрасна, что ее можно отнять за спина, ведь дело, за родину за народ. Ну, вот видите, как оно высокопарно получается, а я смерть не люблю высокопарности, я простоту очень люблю, я за то и Толстого люблю люблю, за простоту его — пишет просто, а не оторвешься. Вот я так

Чемпион

В купе экспресса Москва — Владивосток полыхает, что самой смешно становится. Нет, писательницей мне не быть, да и не к чему, я очень свое дело люблю, — радиосвязь. Ну, вы меня не просите рассказывать о радио, а то тут уж я улечусь и до самого Владивостока говорить буду. Надоело вам. У меня тут конфеты есть шоколадные и домашнее печенье, это меня сама снабдила, она его печет хорошо умеет. Попробуйте, правда, вкусно?.

Вы помните, вероятно, по газетам, был период, когда особенно участились держкие вылеты япон-манчжуров на нашу границу. Стычки, скажу вам, как очевидец, бывали жестокие. Мы отбрасывали врагов от советской земли так, что отбивали охоту лезть в наш овраг. Особенно отличился один боец, товарищ Матусенко. Ну, такой, знаете ли, аповорачивает, как всегда, колхозный паренек, и футболист, и шахсист, и в хорошем кружке не последний. Провалял его наши бойцы и командиры «чемпионом», но не за успехи в футболе или шахках.

Дело в том, что когда япон-манчжуры приближались после обстрела к нашей линии, то начинали действовать ручными гранатами. Ну, граната — птица известная, падает, шипит секунду-другую и разрывается. Вот тут-то и начинал действовать Матусенко. С быстрой молнией он кидался к упавшей гранате, одним ем известным способом хватал ее и бросал обратно. Таким образом, граната разрывалась у отправителя. Так сказать — вышшим же добром да вам же чести. Он был в раскаты бойцов в чести, этот Матусенко, потому что многих товарищей спас от осколков.

Но промашка может случиться у всякого. Однажды он не посчитал, схватил гранату, а она разорвалась у него в руках. Вывели его с линии боя с развороченным животом. Налетчиков мы выследили за пределы нашей земли, а потом я по-скажал в госпиталь узнать, что к Матусенко. Врач говорит — плохо. Еще немного на камфаре продержим, пожалуй. Стою я перед его койкой и сам вижу — дело плохо. Кончается наш Матусенко. А он мне шепчет еле слышно: «Товарищ командир, пожалуйста скорее позвать Соколова. (Это тоже наш боец). Я и не знал, что они с Соколовым такие приятели были. Раумеется, Соколова сейчас же доставили в лазарет. И что же, вы думаете, нужно было умирающему красноармейцу, комсомольцу Матусенко передать Соколову? Оказывается, он слышал, передавать ему свой метод, как хватать гранату и отправлять ее обратно противнику. Он Соколова считал наиболее способным из своей части к этому делу. И вот умирающий человек, еле шепча (ослабел же от потери крови) подробно и выратно обьянил свой метод, подробно разорвал свою ошибку, благодаря которой его уцелело, и все шептал: «Ты внимательно слушай, Соколов, а то времени мало, повторять некогда».

Этот пример я считаю замечательным примером нашего, советского, героя. Ведь совсем же молодой паренек, обыкновенный колхозный парнишка...

— И потом умер? — спросила расстроенным голосом жена летчика.

— Вот в том-то и дело, что нет. И тут оказался чемпионом. Вылез из этой грязной истории, несмотря на предсказания врачей. Провалялся долго, правда, ведь это не шутка. Но вылез. Теперь учится в военной школе.

В дверь купе постучали. Нас авали обещать в вагон-ресторан. Полковник пропущил вперед жену летчика, и мы гуском пошли по длинному вагоному коридору. Шедший последним студент-удалец покрутил головой и пробормотал:

— Обыкновенный? Вот в том-то и сила, дорогие товарищи, что обыкновенный...

Полковник обернулся, внимательно посмотрел на студента и кивнул ему головой!

— Вы правы. В том-то и сила...

БОРИС ОЛЕНИН

Газета, рожденная народным фронтом

Пером и штыхком

Ф. КЕЛЫН

Первое мая 1938 года народная республика Испания встречает в тяжелом боевом обстановке. Мировой фашизм стремится во что бы то ни стало покончить с героическим испанским народом...

И кисть на винтовку бойца или потечную обязанность военного комиссара. Молодые поэты Хосе Эррера-Петере, Лоренсо Варела, Артуро Сьерра-Панжа и Антонио Анарикио — комсомолеры в различных войсковых частях.

Войенными работниками сейчас являются автор «Кровавой Октября» Максимилиано Альварес-Суарес и довольно видный поэт и критик поколения 1930 г. — Хуан Чавас. Многие представители искусства обнаруживают большие военные дарования: как журналист Франсиско Галан и композитор Густаво Дура, занимающие сейчас ответственные командные посты...

Народная армия окружает горячую заботу и вниманием передовое испанское искусство, в частности литературу. В числе эвакуированных из Мадрида в Валенсию в ноябре 1936 г. до настоящей компании Испании и 6-го полка, представителей испанской науки и искусства был ряд писателей старшего поколения (в том числе знаменитый поэт Антонио Мачадо). В Валенсии им предоставляется была полная возможность работать в более спокойной обстановке...

Над серией книг о войне работают Хосе Бергамини («Пять повестей о войне»), Максимилиано Альварес, Хоакин Ардерис, Салас Вью и другие. Даже в такой отсталой области, как испанский театр, наблюдается несомненный сдвиг вперед. Очень показательными в этом отношении были постановки классиков — Сервантеса «Науманси», переделанной Рафаэлем Альберти, и «Овечьего источника» Лопе-де-Вега. Таким образом, вся мысль и воля передовой испанской литературы устремлены на войну, успешное завершение которой должно обеспечить блестящий расцвет испанской культуры, задыхавшейся в застенках реакционного строя.

То, что мы наблюдаем сейчас в передовом испанском искусстве, является несомненным началом этого расцвета. Он стал возможным только благодаря связи передовой испанской интеллигенции с вооруженными силами народа, частью которого она является.

Пробьет час

ГЕНРИХ МАНН

Была на свете ралунная страна, которая делала принят даже инглишникам. Эта страна больше не существует. Был на свете большой город, в котором, несмотря на трудные времена, все еще легко дышалось. Но Австрия погибла, и Вена, та Вена, которую мы знали, подчинилась насилию.

Вслед за другими странами нашей несчастной Европы Австрия стерта с карты цивилизованного мира.

Золото до 1914 года я познаю как одним из великих венских интеллигентов. С тех пор у меня не было лучшего друга, чем Артур Шницлер. Положение драматурга и романиста Шницлера было единственно в своем роде, неповторимым: он был любимцем всего населения, современным воплощением души города — того города, чью человечность, глубоко при своей легкой грации, чью презрительную нежность он прославлял во всем мире.

После войны Шницлер умер, забитый и печальный. Но ему посчастливилось, по крайней мере, в одном: он умер вовремя. Где был бы он сейчас? В гитлеровском концлагере или в числе безымянных самоубийц, которых сейчас так много в Австрии? Ведь находим же мы в их числе Оттона Фриделя — историка и актера, чья дружина была полна изящества, который был совершенным образцом культуры.

Гитлер вступил в Вена под предлогом освобождения своих германских братьев. Невольно задает себе вопрос: чем же вынуждают его больше омерзения — своими поступками или своей ложью? Об этом завоевателе будет говорить то, что не говорится ни об Агиле, ни о Наполеоне: всякая же в своих современниках, он в еще большей мере вызывал их отвращение.

Оккупация Австрии войсками чужеземного диктатора означает, может быть, хотя и не неизбежную, гибель государства. Но в конечном итоге, только жизнь человеческая и смерть. Благодаря оккупации Австрии смерть выигрывает ставку. Возрастает сумма человеческого зла, и без того не малая.

Фанатика фашистского государства нехватит страны, в которых еще можно жить более или менее счастливо, и может в них несчастия во славу своего идеала.

Страх, покорность из-под палки, бессильное возмущение, нищета до предела, пятки, самоубийства, массовые казни — вот программа фашистского государства. Сегодня — Австрия, завтра наступит черед других. Ему нужны только новые жертвы.

Хотя немцы и обращены в работу, в них чувствуется глухое сопротивление, которое может когда-нибудь прорваться. С

каждым днем становилось все более необходимым доказать им, что и другие народы терпят такую же участь. Стоит только начать играть роль быка чедонезе — и остановится на этом пути уже невозможно. Этот режим по самой своей природе — режим захвата.

Захват Австрии гитлеровскому государству несколько ставилитивных заводов, которыми оно возмущается для усиления своих вооружений. Но этому режиму гораздо более необходимыми были новые враги и государственные преступники, чтобы с ними бороться, политические свободы, чтобы их уничтожить, партии, чтобы их запрещать, свободные умы, чтобы их душить и ослеплять. Какое широкое поле деятельности открылось перед гитлеровцами! Они немедленно вылезли за работу, и работа кипит. Австрия полна политикатами, а марксисты в Вене не перестают. Верира насчитывается сотнями тысяч. Для гитлеровской молодежи это — праздник. Нельзя пренебречь и десятку тысячам рабочих умственного труда, тем более, что среди них гестапо обнаружено побелевших захватчиков и мировых знаменитостей, вроде Фрейдля. Гестапо уже занесло составные списки захваченных, которых предстояло «встранивать». Они постепенно исчезают в бетонированных подвалах Австрийских концлагерей нехватает — приходится посылать «встраниваемых» в германские. Доносы доставляют новые жертвы, множатся убийства, агримирированные под самоубийства. По долгу гостеприимной Европы тянутся толпы австрийских эмигрантов.

Короче говоря, все происходит точно так, как в 1933 г. В те дни гитлеровцев ничего не изменилось, если не считать того, что в Берлине пать лет назад еще немножко колебались, еще не рисковали сразу раскрыть полноту лица нового режима. В Вене, в 1938 г., уже не боялся общественного мнения: привычка вступила в свои права, рука наловчилась. Чина стыда и позора вынута до дна, унизить себя еще больше уже не страшно. Австрийские события блестяще доказали, что гитлеровский режим остается тем же, чем он был с самого своего возникновения.

История народов знает случаи, когда автантистические силы подобно привидению вдруг овладевают нацией и делают ее недостойной самой себя. Национал-социализм — только привидение, его сила не реальна, ее отвергают все здоровые и жизнеспособные элементы Германии, этой страны, которую гитлеровский режим губит и бесчестит... Полный захват Австрии — позор, вымывающий краску стыда у всех немцев, достойных этого имени. Но пробьет час, когда все оскорбление будет отомщено и все ошибки исправлены.

Рисунок художника Л. Бродягы.

ФАШИЗМ — ВРАГ КУЛЬТУРЫ

США и будущая война

Известный американский публицист Уолтер Липман поместил в газете «Нью-Йорк Геральд Трибун» статью, которая привлекала всеобщее внимание Липман утверждает, что в случае новой мировой войны США выступит на стороне демократических государств.

«Если демократические государства будут достаточно тверды, — пишет Липман, — и дадут должный отпор агрессору, то они вызовут этим в Америке до сих пор сдерживаемое народное воодушевление, и это будет иметь огромные последствия. Если европейские демократии выполнят свой долг до конца, общественное мнение Америки станет на их сторону с такой страстью, с таким энтузиазмом, что не допустит их поражения. Если кто-либо сомневается в правильности подобного утверждения, пусть представит себе, каково будет общественное мнение Америки, если Лондон или Париж подвергнутся такой бомбардировке, как Барселона, или будут так разграблены, как Нанкин».

Величайший поэт Италии Данте был обречен на изгнание. Мастер политического памфлета, поэт-трибуна в «Божественной комедии» так выразил свою глубочайшую скорбь о родине:

Покинешь все ты, вопреки желанию. Что ты любишь: нет первая страна. Которую завернет под знамя. Как горек хлеб чужой и полон ала, Унаешь ты, и поцарапать легко для Чужий ступени лестниц без числа!

История мировой культуры знает немало примеров, когда благороднейшие мыслители и художники, борцы за лучшее будущее человечества, подвергались преследованиям и гонениям. «Школу изгнания» прошли Данте и Вольтер, Руссо и Байрон, Шелли и Гейне, Берн и Фейхтвангер.

Фридрих Энгельс в своих статьях «Немецкий социализм в стихах и прозе» прямо указывает, что немецкие поэты сорочков подвиги могли вдохновению творить, только переселившись в «стихийно-вольные страны», т. е. оставив пределы Германии с ее мерзвостями феодальной гнетом.

И в наши дни, когда черные силы реакции возмущают страшнейшие времена средневековья, лучшие мастера культуры ныне поработавших фашизмом стран вынуждены жить в изгнании. Пером и штыхком они ведут борьбу за мир, за демократические свободы, за социализм.

Антифашистский писатель — это прежде всего человек действия, борьбы. Еще задолго до того как мировая буржуазия перешла к открытым методам террористической диктатуры, наиболее честные и передовые представители западной интеллигенции осознали враждебность капитализма истинной культуре. Но, не чувствуя себя в силах бороться со злом и насилием, порожденными буржуазным обществом, они предпочитали уйти в сторону, оставаться вне борьбы «над схваткой». Так в свое время Ролан в «Армарке на площади» дал блестящую картину вырождения культуры и искусства французской буржуазной демократии, однако герой Ролана Жан Кристоф не знал настоящей ненависти к существующему мироустройству. В лице Кристофа Ролан прославлял буржуазного гуманиста, победившего пошлость жизни. Жан Кристоф бунтарь-одиночка, вынужден идти на примирение с ненавистным ему миром «Армарки на площади».

В те годы и Ролан, Ролан, и Генрих Манн, и Жан Ришар Блок, и Лион Фейхтвангер и другие крупнейшие писатели Запада решительно осуждали капиталистическую «цивилизацию», но каждый искал раз решения проблем современности в абстрактных идеях буржуазного гуманизма.

Трудными и извилистыми путями шаг за шагом представляется мировой интеллигенции к идеям пролетарской революции. Ролан после сложной внутренней борьбы протиснулся с прошлым, растаяла со многими мелкобуржуазными иллюзиями. Фейхтвангер, виднейший представитель исторического жанра в современном антифашистском романе, до сих пор видит в истории не борьбу классов, а борьбу идей, постоянный конфликт первобытных и темных человеческих инстинктов с разумом.

От пролетариата XVIII века Фейхтвангер унаследовал веру в беспорочное торжество разума, который может осознать человека от тьмы невежества, «просветить» его. Как художник-мыслитель, Фейхтвангер в своих произведениях поднимается над бытовым, натуралистическим изображением людей и эпохи. Он стремится «дать картину мира, широкий этический фон, подпольные течения, причины и цели, движение и драматизм».

Для того, чтобы возможно полнее и ярче выразить свои идеи, Фейхтвангер отходит в прошлое, имеет «дистанцию во времени». Эта «дистанция во времени» — характерный прием писателя-антифашиста. Вдохновенные необходимые борьбы во имя высоких идеалов мировой культуры, они образуются к истории. В ней они находят образы мужественных, полнокровных людей, которые отделили свою жизнь за прогрессивные идеи. Генрих Манн создал красочную фигуру гуманиста Генриха IV, Густав Реглер в романе «Посев» показал вождя крестьянского восстания Иосса Фрига. Жан Манн в своем «Растанном Париже» изобразил стойкую героиню — Мари Роз.

Генрих Манн и Лион Фейхтвангер, Андре Мальро и Жан Ришар Блок проделали путь от буржуазного гуманизма к гуманизму демократическому, к высокой и героической романтике революции.

Импералистическая война нанесла первый удар буржуазно-демократическим иллюзиям передовой интеллигенции Запада. Об этом говорит Фейхтвангер своей книге «Москва, 1937»: «В послевоенные годы я стал все отчетливее замечать проблемы и неуважки обычных демократических конституций, и ныне я склоняюсь к мнению, что буржуазные свободы в большей или меньшей мере являются приманкой, при помощи которой меньшинство проводит свою волю».

Фейхтвангер выразил не только свое мнение. Это мнение теперь разделяют все более и более широкие круги западной интеллигенции. Победа социализма в СССР сыграла решающую роль в революционизировании сознания деятель культуры Европы и Америки. Героическими усилиями советских рабочих и крестьян в нашей стране создано общество без капитализма, помещиков и банкиров, общество, где труд правит «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» (Сталин).

Любой добросовестный и честный интеллигент и труженник Запада видит, что там, где фашизм пришел к власти, он сократил культуру, и только в стране социализма великие, неувядаемые ценности культуры стали доступными, и не вакому краю избранным, а миллионным массам.

Победа социализма в СССР доказывает, что только социализм обеспечивает полное и гармоничное развитие творчества и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Вечерняя парижская газета «Се суар» — единственная в своем роде. Эта газета рождена народным фронтом. Она является воплощением тесной связи прогрессивных писателей Франции с массами трудящихся и их политическим авангардом.

Советский читатель в нее встречал ссылки на «Се суар» в телеграммах из Парижа.

Вскоре после создания народного фронта во Франции в кругах левых французских писателей возникла мысль: организовать силами писателей, объединившихся в борьбе за народный фронт, свою самостоятельную газету. Эта идея вскоре осуществилась: была создана еженедельник «Ванпреди», в котором принимали участие известные писатели: Мальро, Поль Низан, Жан Ришар Блок, Ж. Кассу, А. Виоллис, А. Шамсон. Но группа основателей «Ванпреди» вскоре распалась из-за политических разногласий. Наиболее видные из левых писателей стали все дальше отходить от этого еженедельника, и сейчас «Ванпреди» лишился всякого влияния и стал бесцветным, бессодержательным листком.

Лучшие и наиболее активные представители французской литературы между тем тесно сблизилась с рабочим классом. Действительность требовала создания настоящей политической газеты, где писатели могли бы говорить в полный голос.

Так осенью 1937 г. была основана газета «Се суар» («Сегодня вечером»). В числе основателей этой газеты мы снова находим Мальро, Ж. Р. Блока, А. Виоллиса, Н. Низана и других. Обязанности главного редактора взял на себя Л. Арагон. К сотрудничеству были привлечены участники движения домов культуры, молодые писатели и журналистские силы.

За неимением средств своего существования «Се суар» сослужила большую службу народному фронту.

Это было нелегко. В столице Франции издаются большое количество газет с массовыми тиражами, финансируемых мощными трестами и концернами. «Се суар» пришлось бороться с сильной конкуренцией. Тем необходимым было ее появление: буржуазные вечерние газеты, в частности «Пари суар» и «Энтрансжан», имеющие широкий круг читателей, — опаснейшие проводники реакционных идей в рабочие массы.

«Се суар» предстояло разрешить трудную задачу. С одной стороны, нужно было идти навстречу требованиям читателей, их вкусам, воспитанным буржуазной вечерней прессой, с другой, — превратить новую вечернюю газету в боевой орган народного фронта и поддерживать ее на высоком уровне.

На левой колонке, сверху, «Се суар» ежедневно помещает небольшой очерк на какую-нибудь «повседневную» тему, принадлежащий известному писателю, поэту, ученому из среды деятелей народного фронта. Здесь мы встречаем имена Жана Кокто, Ф. Журбана, Андре Лота, Л. Мило, Лиона Дорена, Тристана Реми, Арагона и других. Такой рубрики нет ни в одной парижской газете, кроме «Се суар». Здесь же, на правой половине второй полосе, ежедневно печатаются новеллы известных или начинающих левых писателей. Все материалы, до «викторины»

Интернациональный батальон имени Чапаева

Начиная с октября 1936 года, в Испанию из разных стран стали прибывать антифашисты-добровольцы, заявлявшие готовность отдать свою жизнь на борьбу с фашизмом, на защиту республиканской Испании. В Испании — ехали рабочие и служащие, коммунисты, социалисты, беспартийные, — все, кто горел ненавистью к фашизму.

11 ноября 1936 года из этих прибывших в Испанию антифашистов был организован интернациональный батальон, принявший свое имя Чапаева. Батальон состоял из немцев, поляков, испанцев, австрийцев, швейцарцев, голландцев, чехов, венгерцев, шведов, датчан, югославов, французских, норвежцев, итальянцев, бельгийцев, греков и бразильцев.

Батальон имени Чапаева вынес немало славных страниц в историю борьбы испанского народа против мятежников и интервентов. Многие из новых «чапаевцев» нашли смерть храбрых.

Недавно в Мадриде вышла книга, в составлении которой приняло участие 75 бойцов и командиров батальона. Материалом для книги послужили и газеты батальона — «Привольный ремень», «Интер-

национальная рота», «Передовая колонна» и полужурнал «Жолнеж Вольности».

В предисловии к этой книге генерал Миша пишет, что испанский народ никогда не забудет жертв, принесенных батальоном им. Чапаева в борьбе за испанский народ.

Отдельные главы книги посвящены славной истории батальона. Свое первое боевое крещение батальон получил на терульском фронте. В книге дано описание наступления батальона на Теруль. Бой велся за обладание терульским кладбищем. После длительного ожесточенного боя «чапаевцы» вытеснили мятежников и ворвались в город.

В боях под Малагой и при наступлении у Брунете батальон имени Чапаева проявил не меньшую отвагу.

Книга является ярким документом интернациональной солидарности трудящихся. Она показывает несокрушимую силу международного фронта в его борьбе против фашизма. Она служит лучшим венком могилу павших героев бригад, лучшим свидетельством общности интересов пролетариата всего мира.

Свыше ста лет назад, отправляясь для участия в народно-освободительной борьбе греков против турецкого господства, Байрон писал: «Во всем мире настала пора борьбы против тиранов, могут ли я уклониться от нее? Жатва созрела — могут ли я промедлить с работой жнеца?»

Так и теперь передовые писатели мира, участвуя в великой освободительной борьбе человечества, дерутся на всех участках народного фронта с теми же полчищами реакции, дерутся и словом и оружием. И в этой борьбе они находят пель жизни и творчества.

Андре Мальро принадлежит знаменитая фраза: «В природе фашизма — национализм. У нас же — весь мир».

Художники такого размаха не могут не верить в окончательную победу над фашистской реакцией. И не могут не победить.

Г. МИНСКИЙ

В борьбе за мир и культуру

лучшие представители мировой интеллигенции к идеям пролетарской революции. Ролан после сложной внутренней борьбы протиснулся с прошлым, растаяла со многими мелкобуржуазными иллюзиями. Фейхтвангер, виднейший представитель исторического жанра в современном антифашистском романе, до сих пор видит в истории не борьбу классов, а борьбу идей, постоянный конфликт первобытных и темных человеческих инстинктов с разумом.

От пролетариата XVIII века Фейхтвангер унаследовал веру в беспорочное торжество разума, который может осознать человека от тьмы невежества, «просветить» его. Как художник-мыслитель, Фейхтвангер в своих произведениях поднимается над бытовым, натуралистическим изображением людей и эпохи. Он стремится «дать картину мира, широкий этический фон, подпольные течения, причины и цели, движение и драматизм».

Для того, чтобы возможно полнее и ярче выразить свои идеи, Фейхтвангер отходит в прошлое, имеет «дистанцию во времени». Эта «дистанция во времени» — характерный прием писателя-антифашиста. Вдохновенные необходимые борьбы во имя высоких идеалов мировой культуры, они образуются к истории. В ней они находят образы мужественных, полнокровных людей, которые отделили свою жизнь за прогрессивные идеи. Генрих Манн создал красочную фигуру гуманиста Генриха IV, Густав Реглер в романе «Посев» показал вождя крестьянского восстания Иосса Фрига. Жан Манн в своем «Растанном Париже» изобразил стойкую героиню — Мари Роз.

Генрих Манн и Лион Фейхтвангер, Андре Мальро и Жан Ришар Блок проделали путь от буржуазного гуманизма к гуманизму демократическому, к высокой и героической романтике революции.

Импералистическая война нанесла первый удар буржуазно-демократическим иллюзиям передовой интеллигенции Запада. Об этом говорит Фейхтвангер своей книге «Москва, 1937»: «В послевоенные годы я стал все отчетливее замечать проблемы и неуважки обычных демократических конституций, и ныне я склоняюсь к мнению, что буржуазные свободы в большей или меньшей мере являются приманкой, при помощи которой меньшинство проводит свою волю».

Фейхтвангер выразил не только свое мнение. Это мнение теперь разделяют все более и более широкие круги западной интеллигенции. Победа социализма в СССР сыграла решающую роль в революционизировании сознания деятель культуры Европы и Америки. Героическими усилиями советских рабочих и крестьян в нашей стране создано общество без капитализма, помещиков и банкиров, общество, где труд правит «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» (Сталин).

Любой добросовестный и честный интеллигент и труженник Запада видит, что там, где фашизм пришел к власти, он сократил культуру, и только в стране социализма великие, неувядаемые ценности культуры стали доступными, и не вакому краю избранным, а миллионным массам.

Победа социализма в СССР доказывает, что только социализм обеспечивает полное и гармоничное развитие творчества и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Писатели-антифашисты, на чьих глазах были брошены на костре лучшие творения человеческой мысли, приходят в ряды дейного народного фронта, стыдятся дня,

когда они жаждут «спокойствия, тишины и нейтральности».

Человек действия, борьбы, передовой писатель-антифашист, сражается пером и штыхком.

— Кто из вас в этом зале, — сказал на Мадридском конгрессе Людвиг Ренн, — хочет взять мое место, пока я держу винтовку? Держите, — вот оно. Это не слова, это долг. И, выполняя свой долг, дерутся Людвиг Ренн и Ганс Марквин на полях республиканской Испании, потому что борьба с фашистскими захватчиками — это не только дело героического испанского народа, но дело всего передового, прогрессивного человечества.

И, выполняя свой долг, антифашистский боец Генрих Манн неустанно разоблачает заправил Третьей империи и призывает к «разрушению дряхлого, негодного мира и к созданию новой, лучшей жизни».

И, выполняя свой долг, немецкий поэт Иоганнес Бехер воспекает революционный патриотизм в новой замечательной книге стихов «Искать счастья» (Москва, 1935). Антифашистский писатель Запада — революционный патриот своего отечества и одновременно — интернационалист.

Борьба против захватчиков и угнетателей рождает в сердцах антифашистских писателей горячую любовь к поработанной реакции и пролетариату. Но эту любовь не может ничего общего с узким буржуазным патриотизмом, с тем зоологическим понятием, который фашисты приписывают общностям или народным массам.

Передовые авторы Запада вдохновляет мощный образ Страны Советов где горячий патриотизм народом гармонически слитывается с интернационализмом граждан, воспитанных в условиях полнотной пролетарской демократии. Вот почему передовая интеллигенция Запада видит в Советском Союзе

светлое будущее своих народов и готова стать на защиту великого отечества всех трудящихся. Во имя любви к человечеству социалистические гуманисты ненавидят врага. «Полноценная доброта должна простирается и на будущее», — сказал великий французский писатель Анри Барбюс. Беспощадность к врагу, под колым бы личиной он ни скрывался, революционная бдительность и идейная непримиримость — вот качества подлинного антифашистского боя.

Таких мужественных героев революции изображали в своих книгах «Испытания» и «Твой неизвестный брат» Вилли Брэдлоу, Аня Зегерс — в своих повестях, Мальро — в романах «Годы презрения» и «Надежда». Эти герои — не плод писательской фантазии, они взяты из самой гущи революционной борьбы, с фронта, где немцы Людвиг Ренн и Густав Реглер с оружием в руках сражаются рядом с испанским генералом Листером, который еще недавно был рабочим.

Карел Чапек

Конференция в Вадуце

Это была странная война, если вообще можно назвать ее войной; дело в том, что не существовало никакого саламандрового государства или признанного саламандрового правительства, которому можно было бы официально объявить войну. Первым государством, которое оказалось в состоянии войны с саламандрами, была Великобритания. В самом начале военных действий почти все британские суда, стоявшие на якорях в портах, были потоплены саламандрами; не было никакой возможности дать им отпор. В отчаянии британцы, находившиеся в открытом море, да и те, что лишь до тех пор, пока они крейсировали в более глубоководных местах; так спаслась часть британского военного флота, провалявшая саламандровую блокаду у острова Мальты и соревлотившаяся в Ионическом море; но и эти суда были выслезены небольшими подводными лодками саламандр и потоплены одно за другим. В течение шести недель Великобритания потеряла четыре пятых всего своего тоннажа.

История дала Джон-Булю возможность еще раз проявить свое престолупое упрямство. Правительство его величества не вогулоло в переговоры с саламандрами и не отменяло запрещения делать им поставки. «Британский джентльмен», — заявил английский премьер от имени всего народа, — жалует животных, но не вступает в соглашения с ними. Уже через несколько недель на Британских островах ощущался катастрофический недостаток продовольствия. Только дети получали ежедневно ломтики хлеба и несколько ложекеч чаю или молока; английский народ с беспримерной твердостью терпел эти бедствия, даже когда дошел до такой степени падеания, что с'ел своих скаковых лошадей. Принц Уэльский собственноручно всапал на стадионе Рояль-Гольф-клуба первую грядку морковного огорода для лондонских детских приютов. На теннисных кортах в Уимблдоне был посеян картофель, на виноградном в Ассотте — пшеница. «Мы пойдем даже на эти величайшие жертвы», — говорил в парламенте лидер консервативной партии, — но не посрамим британской чести».

Так как на море британские берега были полностью заперты в колыбе блокады, то в Англию оставалось только один путь для своего снабжения и для сношения со своими колониями, а именно — воздух. «Мы должны иметь сто тысяч самолетов», — заявил министр авиации, и все, что имело ноги и ноги, вышло за осуществление этого лозунга: принимались лихорадочные меры для того, чтобы можно было изготовить тысячу самолетов в день; но тут вмешалось правительство друзей свободы и заявило резкий протест против такого нарушения авиационного равновесия; британское правительство было вынуждено отказаться от своей воздушной программы и обещать, что оно построит не больше двадцати тысяч самолетов, да и то в течение пяти лет. Англия не оставалось теперь ничего другого, как голодать дальше или же платить умпомочительные цены за продовольственные продукты, доставляемые на самолетах других держав; фунт хлеба стоил десять шиллингов; пара крыс — одну гиней. «Коробка икры» — двадцать пять фунтов стерлингов. Это были золотые денечки для континентальной торговли, промышленности и сельского хозяйства. Так как английский военный флот был уничтожен в первые же часы войны, то операция против саламандр велась только на суше и в воздухе. Сухотные войны ни на суше, ни в воздухе. Сухотные войны ни на суше, ни в воздухе. Сухотные войны ни на суше, ни в воздухе.

Карел Чапек, бесспорно, один из самых крупных писателей Чехословакии. Его драматическая утопия «Вур» и романы «Фабрика Абсолюта» и «Кракаты» принесли ему мировую славу. Чапек известен также своими замечательными публицистическими статьями в защиту демократии, культуры и мира.

Новый роман Чапека «Война с саламандрами», отрывок из которого мы помещаем, остроумная и злая сатира на современный капиталистический мир. Внутренняя и внешняя политика, пресса и юстиция, наука и искусство, быт и нравы, — вся картина жизни буржуазного общества встает в книге Чапека во всем ее чудовищном обличьи. Особой остроты достигает перо Чапека в описании варварской фашистской агрессии, трусливой политики так называемых «демократических» правительств, комедии «невмешательства», сговора с фашистскими агрессорами.

«Война с саламандрами» написана в форме увлекательного фантастического романа. Саламандра некое вымышленное существо, не человек и не животное, обладающее огромной имитационной способностью. Саламандры усваивают все достижения человеческой техники и вступают в войну с людьми.

Чапек приходит к пессимистическому выводу, что человечество обречено на гибель. Мелкобуржуазные иллюзии не позволяют ему видеть революционный выход из тупика капиталистического мира. Однако те страницы романа Чапека, которые посвящены современному международному положению, делают его политически злободневным и интересным для самых широких кругов советского читателя.

В Вадуце были устроены роскошнейшие купальные помещения, и экстренный поезд привез в цистернах морскую воду для саламандровых делегатов. На вокзале в Буксе должна была состояться вечером только так называемая неофициальная встреча; туда прибыли только секретари делегаций, представители местных властей и около двухсот журналистов, фотографов и кинооператоров. Ровно в 6 часов 25 минут ориент-экспресс подошел к станции.

Из салон-вагона вышли на красный коврик высших элитарных господина, а за ними несколько разбитых секретарей со своими портфелями и с тугобашитыми шляпками. «А где же саламандры?» — тихонько спросил кто-то. Два — три официальных персона нехотя двинулись навстречу трем элегантным господам; первый из них негромко и скоростерпеливо пошелли сказать: «Мы — саламандровые делегаты. Я — профессор доктор ван-Дотт из Гааги, Матр Росо Кастелли, адвокат из Парижа, Доктор Маноль Карвало, адвокат из Лиссабона». Присутствовавшие раскланялись и представили друг другу. «Так вы, значит, не саламандры?», — произнес французский секретарь. «Конечно нет», — сказал д-р Росо Кастелли. «Мы их адвокаты, Парлон, эти господа, кажется, хотят насчет нас для кино. И улыбаясь саламандровых делегатов, стали усердно снимать на кино и для газет. Участие в нем в встрече секретари делегаций не окрыляли своего удовлетворения. Было очень благодарно и деликатно со стороны саламандр послать в качестве своих представителей обыкновенных людей. С людьми удобнее разговаривать. А главное — отпадают некоторые неприятные моменты светского характера».

В тот же вечер состоялось первое совместное совещание саламандровых делегатов. На повестке стоял вопрос — каким образом можно было бы в кратчайший срок восстановить мир между саламандрами и Великобританией. Слова попросил профессор ван-Дотт. «Не подлежит сомнению», — сказал он, — что саламандры подверглись нападениям со стороны Великобритании; британское адмиралтейство нарушило мирные торговые сношения с саламандрами, запретив пароходу «Аменгошт» выгрузить закаленные варьчатые вещества; в-третьих, наконец, британское правительство, запретив военные поставки, тем самым начало блокаду саламандр. Саламандры не могли обратиться с жалобой на эти несправедливые действия ни в Гаагу, так как лондонская конвенция не предоставляет саламандрам право жалоб, ни в Женеву, так как они не состоят членами Лиги наций; им не оставалось поэтому ничего другого, как обратиться к самим. Несмотря на это, Chief Salamander тотчас же потребовал действия, но лишь на следующих условиях: 1. Великобритания принесет извинения саламандрам за вышеперечисленные враждебные действия. 2. Она отменит все запреты поставок саламандрам. 3. В возмещение причиненного им ущерба она уступит саламандрам без вознаграждения нижнюю часть Инда, чтобы они могли устроить там новые берега и морские бухты».

Председатель конференции ответил, что он сообщит эти условия своему уважаемому другу, представителю Великобритании, который находится сейчас в отсутствии; он высказал, однако, опасение, что эти условия едва ли окажутся приемлемыми; тем не менее позитивно надеяться, что они могут послужить основой для дальнейших переговоров.

Следующим пунктом повестки дня была жалоба Франции по поводу сенегамского побережья, которое саламандры выворвали на воздух, послужив, таким образом, на французскую колониальную империю. Слова попросил представитель саламандр, известный парижский адвокат д-р Жюльен Росо Кастелли.

«Докажите это!», — сказал он. — Мировые авторитеты по вопросу сенегамской провинции, что землетрясение в Сенегамбии — вулканического происхождения и было связано с прежней активностью вулкана Нику на острове Фогу. Здесь, — воскликнул д-р Росо Кастелли, хлопнув ладонью по своему портфелю, — лежит их научная заклятость. Если в вас есть добросовестность, что делательные в Сенегамбии вызваны действиями моих клиентов, то, пожалуйста, и ждв этих доказательств».

Бельгийский делегат Крз: «Ваш Chief Salamander сам заявил, что это сделали саламандры!».

Профессор ван-Дотт: «Его выступление было неофициальным!».

Матр Росо Кастелли: «Мы уполномочены деавулировать это выступление. Я предлагаю заслушать технических экспертов по вопросу о том, можно ли искусственным способом продвель в земной ко-

ре трещину дноую в шестьдесят семь километров. Предлагаю, чтобы на наших глазах произвели практический опыт такого рода в подобном же масштабе. Пока таких доказательств нет, до тех пор, господа, будем говорить о вулканической активности. Несмотря на это, Chief Salamander готов купить у французского правительства морскую бухту, которая образовалась в сенегамской трещине и вполне годится для того, чтобы основать там поселение саламандр. Мы уполномочены договориться с французским правительством о цене».

Французский делегат министр Деваль: «Если в этом дело видеть возмещение причиненного ущерба, то мы можем начать переговоры об этом».

Матр Росо Кастелли: «Очень хорошо! Правительство саламандр настаивает, однако, чтобы соответствующий договор купли-продажи распространялся также на департамент Ланд от устья Жиронды до Байонны, что составляет территорию шлопцадью в шесть тысяч семьсот двадцать квадратных километров. Другими словами, правительство саламандр готово купить у Франции этот кусок юга».

Министр Деваль (родом из Байонны, депутат от Байонны): «Чтобы ваши саламандры сделали из куска Франции морское дно? Никола! Никола!».

Д-р Росо Кастелли: «Франция позволяет от этих слова, мсье. Сегодня еще можно было говорить о покупке цене».

На этом заседании было прервано.

На следующем заседании предметом переговоров было общее международное предложение саламандр, чтобы вместо непозволительного повреждения старых, густо населенных континентов, они строили для себя новые побережья и острова; в этом случае им будет оказан широкий кредит, а новые континенты и острова будут признаны потом их собственной, независимой и суверенной государственной территорией».

Д-р Маноль Карвало (крунейший лесосамонок юрист) сказал, что он благодарит конференцию за это предложение, которое он передает правительству саламандр. «Однако каждому ребенку понятно, что строительство новых континентов требует гораздо больше времени и гораздо больших расходов, чем ломка старых земель. Новые берега и бухты необходимы нашим клиентам в ближайшем же времени. Для человечества лучше было бы принять великодушное предложение Chief Salamander'a, который пока еще готов купить мир у людей, вместо того чтобы отнять его силой. Наши клиенты нашли особую добычу золота, расторгнутой в морской воде; благодаря этому у них распоряжения имеются почти неограниченные средства, они могут хорошо даже блестяще выплатить вам за ваш мир. Учтите, что с течением времени цена мира будет падать в частности потому, что будут происходить, как это легко можно предвидеть, новые вулканические или тектонические катастрофы, далеко превосходящие по своим размерам те катастрофы, свидетелями которых мы были до сих пор, и в результате площадь континентов в значительнейшей мере сократится. Пока еще можно продать мир, получив плату за все числящегося до сих пор площадью; но когда от него останутся только обломки гор, торчащие над поверхностью моря, то ни кто вам не даст за него ни гроша. Я присутствую здесь в качестве представителя и юрискоуплата саламандр, — воскликнул д-р Карвало, — и должен заявить их интересам; но я такой же человек как и вы, господа, и человеческое благополучие дороже мне не меньше, чем вам и я советую вам, больше того — я желаю вам: продавать континенты, пока еще не поздно! Можете продать их оптом или отдельными странами. Chief Salamander, великодушный и современный образ мысли которого известен мне каждому, обещает, что при всяких необходимых в будущем изменениях земной поверхности он будет, по возможности, налить лядекие жизни; заливание континентов водой будет производиться постепенно и при этом с таким расчетом, чтобы дело не доходило до паники и ненужных катастроф. Мы уполномочены вести переговоры как со всей почтенной всемирной конференцией в целом, так и с отдельными государствами. Присутствие таких выдающихся юристов, как профессор ван-Дотт или матр Жюльен Росо Кастелли служат нам порукой, что, наряду со справедливыми интересами наших клиентов — саламандр, мы будем рука об руку с вами отстаивать то, что является величайшей ценностью для нас всех: человеческую культуру и благо всего человечества».

После этого конференции в несколько подавленным настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для потопления — средней Китай; взамен этого саламандры должны в вечные времена паритировать берега европейских государств и их колоний».

Д-р Росо Кастелли: «На вечные времена, — это, пожалуй, слишком долго. Скажем — на двенадцать лет».

Профессор ван-Дотт: «Средний Китай — это, пожалуй, слишком мало. Скажем — провинция Аньхуэй, Хэнань, Цзяньсу, Хэбэй и Фуцзянь».

Японский представитель заявил протест против уступки провинции Фуцзянь, так как она входит в сферу японских интересов. Китайский делегат взял слово, но его, к сожалению, никто не понимает. В зале заседания растет беспокойство: часы показывают уже час ночи».

Профессор ван-Дотт нетерпеливо заервал на месте и поднял руку:

«Госдини председатель, следовало бы вернуться к порядку дня. На очередь вопрос о провинции Фуцзянь. Мы уполномочены предложить за нее японскому правительству вознаграждение в золоте. Вопрос теперь заключается в том, что дадут заинтересованные государства нашим клиентам за сломку и уборку Китая».

Пер. с чешского А. ГУРОВИЧА

ОБЪЕДИНИМСЯ!

РОЗАМУНДА ЛЕМАНН

Я — не политический мыслитель. Я никогда не принадлежала ни к какой партии. В юности я жила в мире либерализма, в мире, который сейчас кажется столь же нереальным, как сон после пробуждения. Меня интересовали лишь две вещи: моя личная жизнь и искусство, особенно литература. А сейчас я только одна из многих тысяч мужчин и женщин, внезапно пробужденных сознанием близости краха мировой культуры».

Сегодня Польша и Австрия, а кто завтра? Внезапно возникла возможность исчезновения того, что мы называем: свобода, культура и жизнь. Страх овладел нами в ущерб разуму. Мы не знаем, что делать для спасения. Каждодневные акты враждебности становятся «свершившимися фактами». Создается впечатление, будто мы фаталистически примирились с мыслью о возврате к варварству. Наше порожничество, неясность наших идеологий в мннии — самое сильное оружие фашистских диктаторов. Пока мы находимся в смятении, не являя какой-либо избранной, они действуют. Мы, писатели, должны быть активнее, сплоченнее. Мы должны добиться большего взаимопонимания. Нам предстоит реализовать, ясности мысли, умения прямо подходить к проблемам дня. Помогем друг другу найти пути к людям других стран, к отожненным людям. Братям и сестрам не только в отстраненной демократии, но и находящимся под властью фашистских диктаторов к людям, которые сейчас заставляли умолкнуть, но которые сохраняли надежду на мир».

Объединимся же, чтобы защитить то, что еще уцелело из нашего общего наследия.

ЭМИЛЬ ЛЮДВИГ

Почти десять лет мы, германские пацифисты, писали в пользу дела мира. Я имел честь быть первым немцем, произнесшим речь на эту тему по радио к Эйфелевой башне в 1926 г.

Но теперь настали другие времена. Гитлер осуществляет настоящее эротицистическую, настолько националистическую и опасную для других народов политику, что о нем надо бороться изо всех сил. Время еще не ушло.

Гитлер — человек, лишенный культуры. Ни разу, ни на 600 страницах своей книги, ни в сотнях выступлений он не пропелировал ни одного германского поэта или мыслителя. Он полагает, что для того, чтобы стать идеолом немцев, достаточно бранять саблей. Он старается внушить германской молодежи две неправды: немцы не начинали войны и она не проигрывала».

Чтого хочет Гитлер? Он мечтает не только о русских полях, о колониях и польском коридоре. Он хочет ввести свои войска в Версаль».

Политика дружественных договоров с фашизмом смехна: Гитлер все равно ил порвет, когда ему вздумается. О таких людях, как Гитлер, возможна только одна политика — политика борьбы».

Когда он услышит звучащие в унисон голоса Франции и Англии, когда на новую провокацию ему ответят в боевом духе и такими же грубыми словами, какими пользуется он, когда по первому поволу, исключительно с целью демонстрация, европейские страны отзовут своих послов, когда они откажутся заключить новый торговый договор, когда они отклонят новый заем, когда их газеты перестанут брехать о плацшате, когда по ту сторону Рейла услышат их грозный голос, а если потребуется и ультиматум, тогда вы станете свидетелями крупнейшей гитлеровской политики беша и высокомерия. Тогда тысячи немцев приадамываются и скажут себе, что, быть может, не так уж безопасен путь в германскую галерею Версаля, ибо стоило и французское терпение переосмыслить».

ЧЕХОСЛОВАККИЕ ГОСТИ В МОСКВЕ

На первомайские торжества в Москву прибыла группа чехословацких писателей: Чабек, Мартина Майерова, Новец Копа. В ближайшие дни в Москву приедет и видная чехословацкая писательница Марья Грегора».

ВИКТОР ФИНК

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЛЕБОН

Отсут Лебон рассказывал мне в Испании, как он попал на фронт.

— У нас семья католическая. Отец и мать очень набожны. Почему — неизвестно. Отец пятьдесят лет ходит в церковь, а выпросят себе место бухгалтера так и не сумел. С собой голову сидит в стетоволах и записывает чтение прибалы А в боа все еще верит Мэню в детстве отдели в церковный хор, острейной гнали к причастию. Одним словом, семья — каких причастию. И тут я вижу, что должен ехать в Испанию. Там делается несправедливость, а я сижу в Париже в торговле бешем в чужом магазине. Что делать? Что делать? Взял Севилью, Устрили реку в Бадахоше. Идут на Мадрид, взяли Ирун. Уже сентябрь 1936 года. Что тут делать? Набрался я храбрости и за облом сразу выдал: «Отец! Я решил уйти в Испанию». Знаете, что старик сказал в ответ? Покрытый усами и буржуа: «Наконец-то догадался. Я уже месяц жду, когда ты решишься. Ехай». Ну, вечером я и уехал».

ШОВАН

— Я, понимая, шфер такой. А наше дело такое, что мы всегда можем думать. Сидишь за рулем и думаешь. Самое главное — не развивать прожогое, а думать можно сколько хочешь. Вот я и разекаю по Парижу и думаю. Думаю я о том, не довольно ли мне развивать это живое искусство, которое катается чорт его знает куда и зачем? Тем более моя стоика волея Вир-Жан. Знаем мы, какие там дела делаются! Ну вот, я подумал, что лучше я махну в Испанию. Буду возить тех, кто беша. Но тут с бабой у меня беда. Жалко бабу бросить. Мне пятьдесят три, ей пятьдесят два, детей у нас нет, одинокие мы, друг за дружку держимся, — так и живем. Приезжаю домой — она прибрала комнату, парилка спит из пороа и довольна. С ней будет, когда я уеду, и ей незачем будет варить суп из пороа? Сама она его не ест — только для меня и старается. Что тут делать? Так эта мысль меня заела, что я даже на штраф выехал: шферу слишком много думать нельзя. А все-таки ялет в Испанию. Там, понимая, ту самую каналью бешт, которая в 14-м году погнала нас в траншеи. Налюко ехать! Но как с бабой быть? Бабу жалко. Валур раскрываю журнал и вижу: убитые дети валяются на мостовой. Фашисты поубивали. Стой, думаю, кажется, будет дело. Приезжаю домой, ем суп из пороа и осторожно раскрываю перед старой журнал. Та увидела, да как завопит: «Ах, мерзавцы! Ах, убийцы! Убийцы! Убийцы!» Прямо — распалилась! — «Ну, что, — говорю, — можно это терпеть?» — «Нет! Это возмутительно. Вить их надо!» — «То-то! Вот, девочка, я и решил туда махнууть». — «Правильно». Тут-то она и пошлаась в эвакуюцию, раз сказала справедливо, — значит я еду. Правда, ревела она, как овца. Я прислушался, но не мог и на другой день попался в Испанию».

СЕРЖАНТ ДЭПРЭ

— Вы спрашиваете о германе, об отделившихся германе. А чорт его разберет, кто герой, кто не герой. Вот был я на в роте герман. Оди. Торо, француа из Парижа. Он там служил офицантом в кафе. В том самом кафе, где я и служил. Целые тоды мы подавали посетителям кофу кофе, кому пиво, кому белое вино со льдом, — знаете, какое наше дело. Подавали посетителям и получали на чай. Вот и вся жизнь, какое тут геройство? Летом 36 года мы с ним оба в бегах участвовали. Знаете лядекие беша? Видали? Когда лядеки с полдоссами в руках пускаются бегом по улицам Парижа? Миллион народу!.. Всем лядекобитно: если кто отступится, — бутылки и стаканы агрохочут о мостовую, — всеюло тогда!.. А кто первый добегнет, тому аллодируют и на чай здорово подают. Ну, этот Альбер и добжал первым. Значит, герой! Мы так все и решили! А через два дня ятакже, что он сделал? Всей интерией выкатил управляющему прямо в кляви. Значит, не герой, а дурак! Кто такие вещи делает? Вель без работы остался? Господи, бедолаха! Потом он исчез. А потом я получаю от него письмо из Испани. Пишет, что бы и я приехал, что там за всеобщее дело бешта, что там я нужнее, чем в кафе. И так далее, и так далее, и так далее. Ну, что тут, думаю, делать? Хоть я его и считал дураком, а скучно мне без него, — сколько лет вместе прослужили. К тому же, думаю, — там люди горлоое дело делают, а я здесь сижу гу и за грош говорю любой спящие «мерси, мсье». Думал, думал и поехал!.. Приезжаю, разыскиваю Альбера, спрашиваю, как его нафты. Поверите ли, — все его знают. Он, оказывается, по всему полку известен как горячая голова и храбрый Герой, — прямо говорят, — герой! Нашел я его, а он уже и с нашими. Он теперь лейтенант... Видает? Всею жизнь с полдосом ходил, а теперь, оказывается, лейтенант. Вот и разберись в ляде...»

Письмо альянса антифашистской интеллигенции в защиту культуры

Дорогие товарищи!

Хотя таты нашей войны требуют от нас неотутного внимания и максимум усилий, мы внимательно следили за решением Верховного Суда СССР.

Нечего и говорить, что всякое средство извращения от предателей родины кажется нам справедливым. Вель нам ежедневно приходится на поле орания сталкиваться с изменниками.

Оставаясь идеями вами, товарищи советские писатели, посылать вам из Мадрида братский привет.

По поручению альянса, РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

Обращение Жана Ренуара к германскому народу

Жан Ренуар, поставивший замечательный фильм из эпохи Великой французской революции — «Марсельеза», обратился по радио к немецкому народу:

«Дорогие немецкие товарищи, в ту трагическую ночь, которая у всех нас еще жива в памяти, я видел в Берлине, как горел рейхстаг; я подумал тогда, что там рушатся не только дерево, железо, стекло и камень, но рушится и моя волея. Я хотел в Берлине и сказать делу немецкой демократии, сестре нашей демократии. Ибо я люблю Германию, я всегда любил ее. Когда я был еще мальчиком, отец мой брал меня с собой на канькулы

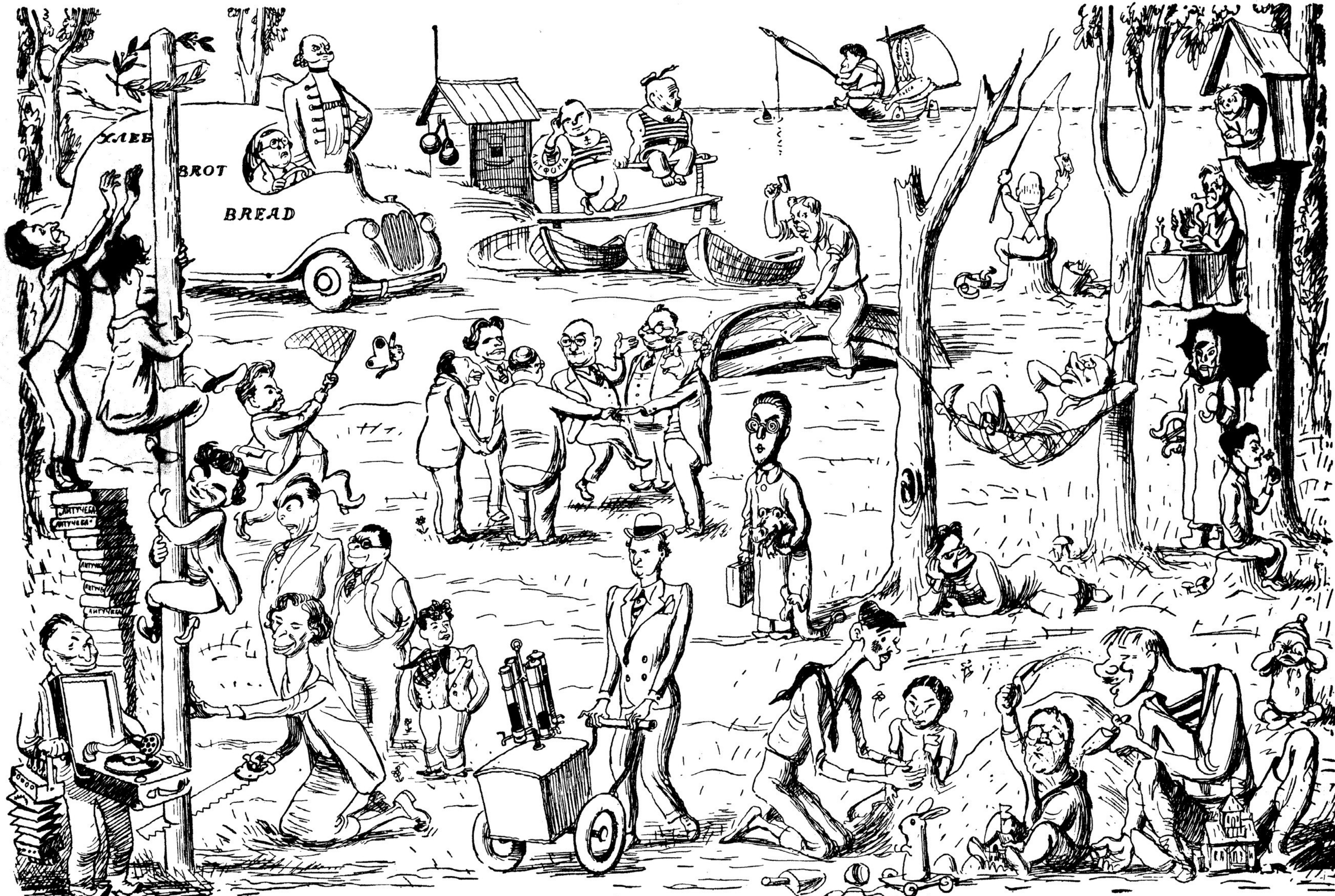
Протест Франсуа Мориака

Франсуа Мориак, член французской Академии, поместил в «Фигаро» статью «Открытый город».

«У Минотавра нет особого вкуса именно к японцам, к китайцам или к американцам, — пишет Франсуа Мориак, — он лишь подкрепляет свои силы, разжигает свой аппетит, он лишь закусывает, чтобы потом насытиться ирришеством, где мы уже не будем только зрителями. Свобода и интеллектуальность Пать-Журнала будут, быть может, отпугнуть нас в тот момент, когда мы будем склоняться над длинными рядами трупов, стараясь распознать знакомые лица».

НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Дружеский шари художников Н. Радлова и К. Рогова.

Писатели — тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Веселый майский день вытиснул их из душных, прокуренных кабинетов ушедшей на широкие лоны природы.

Радостно вдыхают весенний советский воздух романтики, прожигшие в атмосфере XVI, XVII и прочих веков. С удивлением вырывают поэты на солнце, наглядно показываясь, что оно выше, светлее и лучше всего на свете, что о нем пишут. И даже хмурые критики благосклонно смотрят на быструю голубую реку, хотя в ней и немало воды. Каждый развлекается как может.

Вот в утолще направо — детская группа. Звонкие голоса щебечут веселые стишки, и кажется, что это очень дружные ребята и эдакого песочка хватает на всех. Но злые мальчишки мешают друг другу строить дачки и домики и стараются пустить друг другу песочную пыль в глаза и за шиворот. А чужого мальчика они вовсе не желают принимать в свой круг, и он плачет, потому что ему тоже очень хочется читать стишки, строить дачки и играть в золотой песочек.

В уютном гамаке сладко спит балетист, явно переутомившийся от огромной напряженной и плодотворной работы. Под гамаком уполз его коллега, который от творческого

переволнения не мог дотопиться даже до гамака. Из дулы смотрит горлышко бутылки, — очевидно, добрая мама дала усталому сыну молочка, чтобы освежиться в дороге.

Прянее — маячит странная фигура поэтической наружности, одетая явно не по сезону. Зонт, теплые пальто и огромные кашпо-подушки явно показывают, что обладатель всей этой экипировки не знает, какой у нас сегодня месяц, какой год и может быть даже не знает, какое у нас тысячелетие на дворе.

Писатель, случайно приоткрылся под поэтическим зонтиком и неловкий венок, настроен философско-лирически и если даже и улыбнется, то только окосев слезам.

Чужак-романист, забравшийся в скверинку, хочет тем самым подчеркнуть, что он находится несколько на отлете. Дальше и выше, почти к самому берегу реки, ретивый поэт наглядно показывает, что даже на лоне природы каждый писатель может засесть, как у себя в кювете, и спокойно принять адюльтерные решения.

Фигура писателя, занимающегося с берега рыбной ловлей, вызывает некоторое недоумение: никак не поймешь, ловит ли он в мутной воде рыбку на «червя», или просто ловит «червя» на удочку.

На реке бежит парус одинокий. Здесь рыбная ловля поставлена честно, умело и по последнему слову техники. Рыболов знает свое дело, и рыба идет солидная и разнообразная.

Хорошо, что на реке есть станция Освода, ибо даже привычный к воде писатель может иногда захлебнуться в водной стихии. Опытные аналоги морского дела, любители-осводчики, добросовестно дежурят при станции. Один из них, заметив, что лодка расколыхалась, решил, не теряя времени, сделать из капитальной ремот.

Спасательные круги наготове. Но пусть остерегается плавающий и тонущий писатель опасных шаров, зловредный критик шутки ради принесен на одном конце веревки тяжеленную ирву вместо пробкового шара, и горе тем, кому бросит такой спасательный прибор!

Если детские писатели сорятся слегка по-взрослому, то взрослые писатели играют совсем по-детски. Как трагическая группа в центре картины, где под воздействием критика писатели развлекаются самодеятельными танцами!

Поэты нашли другое развлечение, — они всегда придумают что-нибудь особенное! Наверно поставлен высокий столб славы с лавровым венком на верхушке. И уверенные в себе

смельчаки пытаются ловким маневром добыть этот трофей. Но столб славы скользок и даже намазан гудом критической пастой или легким, очень трудно добраться до верхушки. Напрасно некоторые находчивые трубадуры подлаивают в виде предостережения книжки любимых ими журналов — до верхушки далеко! Веселый смех встречает с жаждой возраста и положения. Чтобы игра шла веселее, услужливый поэт угощает друзей своим патефоном и овыми пластинками. И никто из играющих не замечает, что под самый корень столб славы подливают едкий критик, решивший на свежем воздухе заняться ручным трудом.

Есть и вода в специальной тележке. Но — странное дело! — писательский народ, с уважением относящийся к хлебу и готовый взять его нарасхват, почему-то не очень налегает на воду, несмотря на теплый день. Может это потому, что вода пресная и продается только с сиропом.

В общем веселится как может и как умеет. На пикнике не видно читателя, который непременно должен был там присутствовать. Но читателя, очевидно, забыли, а критики и другие участники мавляки, занятые своими делами, не слышат, как он кричит: — ау-у!

Писатели в избирательной кампании

На последнем заседании секретариата союза советских писателей совместно с представителями секции и писательским активом обсуждался вопрос: что должны делать писатели в наступающую избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет РСФСР. После обмена мнений решено послать бригады писателей на места, организовать выступления писателей в парках культуры. Намечено издать сборник «Чтец-декламатор», куда войдут стихи, рассказы, небольшие драматургические произведения, посвященные избирательной кампании.

28 апреля Московский областной исполнительный комитет утвердил состав окружных избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет РСФСР по Москве и Московской области.

Всего утверждён состав 56 окружных избирательных комиссий: 26 по Москве и 30 по Московской области.

От Московской организации союза советских писателей в состав Краснопресненской окружной избирательной комиссии гор. Москвы утверждён тов. А. С. Серафимович, а в состав Герценовской окружной избирательной комиссии (гор. Москва) — В. И. Лебедев-Кумач.

ЛЕНИНГРАД. 29. (По телефону от нашего соб. корр.). Сегодня опубликовано постановление президиума Ленинградского Совета о составе окружных комиссий по выборам в Верховный Совет РСФСР. В список членов окружных комиссий — ряд писателей, художников, артистов. Поэт Ник. Тихонов является членом окружной избирательной комиссии Московско-Ленинского округа Ленинграда, Ю. Тынянов — членом окружной избирательной комиссии Дзержинского округа Ленинграда.

Книги ко Дню печати

Государственным издательством политической литературы выпущены ко Дню печати новые книги.

В отдельной брошюре, выпущенной под заглавием «Печать в руках большевистско-могучая сила», собраны последние выступления тов. М. И. Калинин на вопросах печати. Среди этих материалов — статья М. И. Калинин в связи с 25-летием «Правды» — «Детище Ленина-Сталина», речь тов. Калинин на торжественном заседании, посвященном Дню печати 5 мая 1935 года. — «Писать правдиво и интересно» и «На речи при вручении орденов работникам «Правды»».

Вышедшая под редакцией А. Б. Никитина брошюра К. Омельченко «О большевистской печати» излагает славный путь развития большевистской печати, ее грандиозные достижения, охраняющие гигантский культурный подвиг народов СССР.

За время с 1897 по 1916 год в царской России было издано произведений Бальзака — 100 тысяч, Гюго — 397 тысяч, Диккенса — 747 тысяч, Горького — 1.083 тысячи, Пушкина — 9.165 тысяч, Некрасова — 194 тысячи, Салтыкова-Щедрина — 65 тысяч экземпляров. А за двадцатилетие, с 1917 по 1937 год, Бальзак вышел в количестве 1.273 тысячи экземпляров, Гюго — 2.678 тысяч, Диккенс — 1.710 тысяч, Горький — 38.923 тысячи, Пушкин — 26.426 тысяч, Некрасов — 3.860 тысяч и Салтыков-Щедрин — 5.261 тысяча.

Число выходящих газет в СССР, по данным 1937 г., увеличилось в 10 раз по сравнению с 1918 годом — 8.521 газета против 859. Разовый тираж советских газет в 14 раз больше, чем в царской России. В 1937 г. он достиг 36.197 тысяч экземпляров. Собственные газеты выходят сейчас в 3.392 районах и городах, на 4.605 фабриках, заводах, в совхозах и МТС.

Произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина вышли в СССР в 355,9 миллиона экземпляров на 85 языках. В 1936—37 годах доклад товарища Сталина о проекте Конституции СССР получил распространение в 36.962 тысячах экземпляров, а Конституция СССР вышла в 32.534 тысячах экземпляров.

Москва первомайская

Радиорепортаж писателей

Сегодня рано утром советские радиостанции передают первомайские поздравления на языках народов СССР и иностранных языках.

По улицам и площадям столицы звучат радостные песни и марши страны социализма.

В 10 часов утра на Красной площади начнется первомайский парад, а затем — демонстрация трудящихся Москвы. Вс. Вишневский, Л. Никулин, В. Луговской, А. Жаров и Д. Алтаузен будут вести с Красной площади радиорепортаж.

Сегодня писатели Москвы пойдут на первомайскую демонстрацию отдельной колонной вместе с Краснопресненским районом.

2 мая поэты В. Луговской, П. Маркин, П. Антокольский и С. Киселев прочтут перед микрофоном студии Всесоюзного радио мемуары свои новые произведения, посвященные 1 мая.

«Наш май»

Государственное издательство «Искусство» выпустило литературно-художественный эстрадный сборник «Наш май», первомайские плакаты и лозунги. Государственное музыкальное издательство выпустило новые песни и музыкально-песенные сборники.

Спектакли и концерты

Центральная первомайская комиссия распределила билеты на спектакли в театры 1 и 2 мая между предприятиями столицы. Театры покажут свои новые постановки. Представители театров перед началом спектаклей будут приветствовать знатных людей столицы. В фойе театров во время атрактов состоятся массовые игры и танцы. 500 артистов московской эстрады и ведущие артисты театров Москвы будут выступать на первомайских концертах, организуемых Московским концертным объединением.

2 мая на площадях Москвы организуемых массовые танцы, выступления артистов эстрады, цирка, кружков художественной

самодельности, демонстрация кинофильмов. В этот же день состоится карнавал московских театров. Карнавальное шествие будет организовано на специальных автомашинах, которые проедут по улицам и площадям столицы.

В парках культуры и отдыха

В ночь с 1 на 2 мая в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького будет проведен первый весенний бал.

В парке состоится первомайский конкурс народного творчества. Лучшие исполнители песен и плясок будут премированы; для победителей выделено 5 тысяч рублей.

2 мая в парке устраивается большой детский праздник; в 12 часов на набережной откроется детский автосалон.

Библиотека им. Ленина и Государственная библиотека иностранной литературы в помещении культуры парка в этот день открывают свои филиалы.

Вечером писатели и поэты столицы выступят на вечере, посвященном борьбе с фашизмом.

В Сокольническом парке 1 мая для учащихся московских школ организуемых танцы, игры, катание на каруселях, аттракционы. Вечером в парке начнется первомайский бал.

На эстрадных площадках парка состоятся концерты.

2 мая состоится гулянье-маевка, на которой будут выступать коллективы художественной самодеятельности. Вечером лучшие силы московских государственных театров выступят в большом концерте.

На лужайках парка в течение всего дня будут выступать бесстрашно смеяться друг друга, жонглеры, акробаты, хоры и кукольные театры.

Киносемки

30 операторов «Совкинохронки» заснимут в столице первомайский парад и демонстрацию.

Цветной фильм в двух частях — о весеннем революционном празднике — должен быть закончен 4 мая. Текст песни — В. Лебедева-Кумача. Музыка — братьев Поляков. Режиссеры — С. Киселев, М. Случинский и С. Гуров.

Клубный день

29 апреля в Московском клубе писателей состоялся большой первомайский клубный день.

В верхних залах клуба мастера фото Альберт Д. Дебабов, Ю. Ермин, Ф. Кислов, С. Лоскутов, М. Марков, М. Прехнер, Н. Петров, А. Родченко, С. Фридлянд и Я. Халип показывали свои работы.

После просмотра выставки перешли в зал совета, где демонстрировалась кинокомедия режиссера-орденоносца Г. Александрова «Волга-Волга».

Затем в читальне В. Шкловский провел с присутствующими беседу об историческом сценарии.

В большом зале клуба вечером состоялся музыкальный концерт из произведений композитора В. Я. Шебалина. Квартет имени Бетховена исполнил второй квартет Шебалина. Романсы композитора пела солистка Всесоюзного Радиокomiteта Н. П. Рождественская.

Вечером посетители клуба имели возможность прослушать в верхней гостинице доклад о международном положении.

В большой гостиной П. Антокольский, В. Луговской, П. Паченко и К. Симонов читали свои переводы азербайджанских стихотворений.

С большим успехом прошел в Большом зале концерт композитора С. С. Прокофьева, блестяще исполнившего свои произведения.

Большой клубный день закончился веселым эстрадным концертом, в котором приняли участие исполнители негритянских песен и плясок, жонглеры, в джаз пол управлением Рачевогоро

Подготовка к юбилею Джамбула

В центре Кастекского района, селе Уауи-Агач (родина Джамбула), усиленно готовится к юбилею своего великого земляка. Создана юбилейная комиссия.

В полдарк знаменитому агачу районные организации преподнесли большую шестикончатую юрту. Выделены докладчики, которые ознакомят колхозников, учащихся школ и всех трудящихся района с жизнью и поэтической деятельностью Джамбула.

Строится в Уауи-Агаче районный клуб будет назван имени Джамбула. Намечено также организовать постоянный передвижной колхозный театр имени великого агача. Колхозники артилы «Бр-Нар», где проживает Джамбул, просят иривать колхоз его имя.

По решению алмаатинского облисполкома в этом колхозе заканчивается строительство трехкомнатного дома для Джамбула.

ДОМ-МУЗЕЙ имени Н. А. НЕКРАСОВА

Институт литературы Академии наук СССР, по решению президиума Ленинградского совета, в настоящее время приступил к организации Некрасовского музея в квартире дома № 33 по Володарскому проспекту (был Литейный), где великий поэт жил 20 лет. В этой же квартире помещались редакции журналов — «Современника» (до 1868 г.) и «Отчужденных записок» (с 1868 г.). Квартира Н. А. Некрасова была подлинным центром революционно-демократической литературы 60-х годов.

Разработан план реставрации квартиры, план музейной экспозиции. В квартире будет полностью восстановлена та обстановка, в которой жил и работал поэт.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВИНСКИЙ, Е. ПЕТРОВ В ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙНИЦКАЯ.